

Эмиль Коста

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

Андре Эрмите

Следствие в средневековом стиле

Андре Эрмите. Следствие в средневековом стиле

Эмиль Коста

Конец легенды

«Автор»

2022

Коста Э.

Конец легенды / Э. Коста — «Автор», 2022 — (Андре Эрмите. Следствие в средневековом стиле)

Андре Эрмите с верным слугой прибывают в Кадис. В первый же день они встречают старого знакомого — бывшего инквизитора кавайонского. Тот убежден, что в одном из богатейших домов города вот-вот произойдет убийство. Отношения внутри семьи Рико пронизаны завистью, алчностью и взаимными подозрениями. Супруга хозяина молода и прекрасна, но наследника у него до сих пор нет, а прежние жены погибли, не оставив потомства. В делах купцу неизменно сопутствует удача, он серьезно увлечен алхимией и, несмотря на семейные неурядицы, выглядит вполне довольным жизнью. Неудивительно, что в Кадисе и окрестностях о нем слагают целые легенды и называют не иначе как Черным Рико. Кажется, предотвратить беду невозможно — и все-таки брат Бартоломью просит Андре о помощи.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эмиль Коста

Конец легенды

Глава 1

На рассвете галера мягко стукнулась бортом о каменный причал. Гребцы, едва отложив весла, уронили головы на руки – они давно научились спать в любую свободную минуту. Один юркий матрос соскочил на пристань, чтобы привязать брошенный конец к бухте. Двое других уже установили сходни.

Местные пассажиры шумно высаживались и спешили по своим делам. К галере приближались, позевывая, оборванные грузчики. Надо всей этой суетой с воплями кружили чайки. В портовом городе начинался новый день.

Смуглый крепыш в черном плаще и его слуга, рыжий верзила, покинули борт последними. Рыжего капитан поначалу не хотел брать на борт, но хозяин заплатил за него вдвойне. Оттащив багаж на безопасное расстояние, они бросили промокшие сумки и без энтузиазма стали осматриваться вокруг.

Темноволосым крепышом был Андре Эрмите, в прошлом авантюрист из Сарагосы, по старой привычке представлявшийся доктором. Его слугу звали Лу. Этот юный уроженец Ривьеры третий год путешествовал с хозяином по Европе и сейчас собирался с ним отправиться совсем в другую часть света.

Собственно, за этим они и прибыли в Кадис. Здесь жили богатейшие купцы провинции, через местную таможню протекали реки серебра ацтеков, именно отсюда каждый месяц отплывали корабли к берегам Нового Света.

Кадис располагался на небольшом, ровном – ни холма, ни скалы – острове посреди залива. Над плоскими крышами домов возвышались лишь смотровые башни, с вершин которых жители города ежедневно наблюдали за морем. Купцы ожидали возвращения кораблей с дорогим грузом, жены моряков – своих любимых, стражники подстерегали возможную опасность.

Лу хмуро оглядел багаж, несмотря на все предосторожности пострадавший от морской и речной воды, после чего не без ехидства поинтересовался:

– И охота вам была переплачивать за места на галере? Тот лодочник вдвое дешевле брал и не артачился! Один черт вещи мокрые, да еще слова всю дорогу не скажи...

– Если бы вы за минувший год уделили больше внимания своему произношению, этой проблемы бы вовсе не возникло, – беззлобно огрызнулся Андре. – А я выбирал самый быстрый транспорт из доступных. На лодке мы были бы здесь в лучшем случае к вечеру. Даже вниз по реке они ходят медленнее, а нам еще предстояло плыть по морю... я же предупреждал, что путь сюда из Севильи не так прост.

Лу с сомнением бросил взгляд на дорогу, убегавшую вдоль берега к воротам Кадиса:

– Кто вообще строит города на островах?

– Кажется, первое поселение основали еще во времена римлян, – рассеянно ответил доктор, проверявший завязки на плаще, – потом здесь жили мавры, а вот теперь...

– Да ну вас с вашей историей! И что, за тысячу лет никто не додумался его разорить? Тут же с моря налетят – оглянуться не успеешь!

– За полторы тысячи... даже больше. Налетали, и еще не раз налетят. Берберские пираты практически опустошили побережье, и в Кадисе нужно каждую секунду быть начеку.

– Стоило вот это, – слуга выразительно обвел рукой вокруг себя, – чтобы торопиться?

Андре пожал плечами:

– Надеюсь, надолго мы здесь не задержимся.

Лу только вздохнул и взял самую тяжелую сумку. Его хозяин подхватил вторую, и оба зашагали по направлению к городу.

Андре шел позади и раздумывал о перспективах. В севильском Совете по делам Индий сидели почти все важные шишки, имеющие влияние на будущие экспедиции – он надеялся еще там договориться о месте на корабле, но потерпел неудачу. Весьма обидную неудачу. Начальник Совета едва ли не со скандалом выставил его за дверь.

А обид и унижений Андре не любил, несмотря на свое сомнительное прошлое.

Лу очень бы удивился, услышав его мысли: велика беда – не проявили должной почтительности! Он-то за три года не смог привыкнуть к уважительному отношению от хозяина.

Впрочем, слуге было не до чтения мыслей: в его собственной душе тоже не находилось покоя. Родные остались во Франции, настоящее не сулило ничего хорошего, будущее казалось туманным... Парень вовсе не был уверен, хочет ли ехать в этот Новый Свет.

Что там вообще нового?

Занятые думами путники вошли в город и постучались в первую гостиницу, которая попала за воротами. Через минуту им открыла дверь толстая горничная. Она явно не была рада гостям в столь ранний час. Зевая во всю глотку, девица посоветовала им дожидаться хозяина снаружи.

– Почему не внутри?

– Дверь пустите!.. Потому что тут и сесть негде. Он давеча на крестины ходил да с ночевой, видать, остался.

– А нельзя проводить нас в комнату без хозяина? – стараясь сохранять самообладание, спросил Андре.

– Мне ж потом за такое влетит! Вон харчевня через улицу открыта – там часок-другой посидите, авось хозяин очухается.

– А, может, нам вовсе другую гостиницу поискать? – вмешался Лу. – Что-то много они о себе воображают! Сегодня крестины...

– Вчера, – поправила его девица.

Слуга только отмахнулся и продолжил:

– Вчера крестины, завтра поминки, а мы на улице торчи!

– Не хватало еще в первый же день на новом месте оскандалиться, – вполголоса сказал доктор, после чего обернулся к горничной. – Мы так и поступим – подождем в харчевне. Не подскажите, милая, с кем в городе можно поговорить насчет места на корабле?

Девица расхохоталась:

– Я тут подметаю да горшки за всеми выношу, а какие там корабли и куда – знать не знаю.

– Чего вы с ней манерничали? – спросил Лу, усаживаясь за стол в харчевне, которая действительно оказалась совсем рядом. – У нас в деревне этой корове кто-нибудь давно бы последние зубы вышиб. Идите, говорит, отсюда... хозяин, говорит, пьяный где-то валяется. Ничего себе гостиница!

– Последние несколько дней с вами трудно иметь дело. Чуть что – скандал. Это как-то связано с... тем, что случилось в Севилье?

– Ничего со мной особенного, сами наговариваете.

Слуга надулся и отвернулся к окну.

– Нам нет смысла таскаться с вещами по городу в поисках гостиницы, которую держит убежденный трезвенник, – терпеливо пояснил доктор. – Не думаю, что здесь вообще много мест для ночлега. Приезжие в Кадисе надолго не задерживаются. Вы сами видели, с кем мы приплыли сюда – даже торговцы живут на континенте.

– Пиратов боятся?

– Боятся. А еще здесь вечные проблемы со снабжением; все продукты и даже воду приходится завозить на лодках. Позволить себе дом и жизнь на острове могут только богатые люди... и те, кто находится здесь по долгу службы и не заботится о хлебе насущном.

– То-то я вижу: городишко – за утро пешком обойти.

– Именно. Если бы не особенности расположения, Кадис давно бы стал экономическим центром провинции и процветал. Но увы, здесь слишком опасно, поэтому все важные решения принимают в Севилье.

– А если вы там не смогли ничего решить, то с чего взяли, что здесь получится?

Физиономия парня не выражала ничего хорошего и уж тем более почтительного. Андре даже самому себе не хотел признаваться, что рассчитывать на успех в их ситуации попросту глупо. Если не вышло в Севилье... Он не без труда взял себя в руки и сказал:

– Знаете что... У меня совсем нет аппетита. Прогуляюсь по городу – как раз и обойду его. А вы позавтракайте, отдохните. И следите за входом в гостиницу, может быть этот пьянчуга вернется наконец и выделит нам комнату.

Андре вынул из кошелька монету, подумав, добавил еще одну, передал деньги слуге и вышел.

Морской ветер приятно охлаждал лицо Андре, шагающего по мощенной камнем набережной. Следовало успокоиться после разговора со слугой. Этот юнец действительно стал много себе позволять в последнее время. Возможно, дело во взрослении – Лу в этом году исполнилось восемнадцать – возможно, он просто скучает по любимому коню, которого пришлось оставить на континенте. Не тащить же старую клячу через океан!

Или что-то еще? Может быть, для парня пришло время найти собственную дорогу в жизни?

Погруженный в собственные мысли доктор не заметил, как оказался в центре города, перед собором. Небольшую площадь окружали двух— и трехэтажные дома. Самые новые ослепительно белели под солнцем, стены старых покрывала пожелтевшая от времени штукатурка. Кое-где из-под нее проглядывал рыжий тесаный камень.

Площадь была полна народу: кто-то спешил на рынок, кто-то искал пицци духовной в соборе. Самые ранние пташки уже выходили из распахнутых дверей. Среди них доктор с изумлением увидел знакомую фигуру.

Андре так и замер, уставившись на высокого худого монаха средних лет. Его облачение полоскал шальной ветер, не знавший различий между портовой шлюхой и почтенным доминиканцем: то задерет белоснежный подол туники, то сдернет капюшон черного плаща с головы.

Брат Бартоломью? Здесь? В тысячах лье от Кавайона?

Несколько человек, наткнувшись на доктора, слишком громко выругались... Монах посмотрел в его сторону и не отвел взгляда. Напротив, на лице его отразилось удивление узнавания. Секунду спустя кавайонский инквизитор – а это определенно был он – устремился навстречу.

– Меньше всего... меньше всего ожидал увидеть здесь вас. Какими судьбами в Кадисе?

– Полагаю, нас привела сюда одна и та же цель, – ответил Андре.

– Неужели собрались в Новый Свет?

– Как и вы, кажется...

– Разумеется, разумеется... но что-то вы осторожничаете. Как будто боитесь меня? Бросьте! Я здесь не по вашу душу.

Андре рассмеялся, оценив шутку, а брат Бартоломью огляделся вокруг и предложил:

– Может быть, продолжим беседу в более уединенном месте?

– Я только что прибыл, еще даже не устроился в гостиницу... Лу, мой слуга – помните его? – ждет в харчевне с вещами.

– Помню, как же: сообразительный маленький рыбак... В таком случае нам лучше всего позавтракать у меня. Я снимаю жилье в двух шагах отсюда. Впрочем, в Кадисе все находится в двух шагах. Идемте!

Андре с удовольствием принял это приглашение. Удовольствие было продиктовано любопытством: он категорически не понимал перемен в поведении монаха. Год назад это был высокомерный, замкнутый человек, занимающий один из важнейших постов в Кавайоне, а теперь...

Откуда это дружелюбие, эта простота в обращении? Сегодняшний брат Бартоломью прямо-таки источал добродушие. Назвать Лу маленьким мало у кого повернулся бы язык. А о его сообразительности вовсе никто не догадывался, кроме хозяина, и тот порой забывал.

Временное пристанище монаха действительно оказалось совсем рядом. Двухэтажный дом располагался в одном из переулков, разбегавшихся во все стороны от площади. Брат Бартоломью без церемоний толкнул дверь, и они вошли в прохладный затененный холл. Свет едва проникал сюда через глядящие на улицу узкие окошки.

Андре с любопытством осмотрел полупустой холл – единственным предметом обстановки здесь была каменная скамья у стены – и спросил:

– Вы живете не один?

– Дом в моем распоряжении, хозяин переехал на континент. Я нанял слугу из местных. Временно, надеюсь. Мальчишка расторопный, но вечно где-то пропадает. Альфонсо! – крикнул монах и прислушался. – Тишина! Убежал куда-то, а дверь не запер. Не знаю, сколько мне это еще терпеть... Идемте, поищем чего-нибудь съестного. Я пощусь со вчерашнего обеда и с трудом держусь на ногах.

Они прошли в гостиную, обставленную чуть менее аскетично. По крайней мере, там была пара кресел и вполне симпатичный столик. У стены возвышался шкаф с посудой, в котором нашлась пара подсохших лепешек и завернутый в тряпицу сыр. Был там и кувшинчик с вином.

Хозяин и гость разложили нехитрую снедь на столе. Андре уселся в одно из кресел и вынул из-за пояса нож, чтобы разрезать сыр. Брат Бартоломью достал из шкафа пару кружек.

– Кладовые в подвале, конечно, пусты. Пробавляюсь тем, что добудет Альфонсо, – сказал он, усаживаясь. – Когда этот несносный мальчишка вернется, отправлю его на рынок, хотя толку будет мало. Но зато он ужасно болтлив. Для меня это прекрасная языковая практика...

– Мы можем перейти на французский, если вам так будет удобнее, – спохватился Андре.

– Ни в коем случае! Остаток жизни я, скорее всего, проведу среди дикарей – нужно говорить на языке, который им понятен.

– Кажется, у Франции тоже есть колонии на севере...

– Ехать туда с миссионерскими целями – самоубийство, – нахмурился инквизитор. – А к тому времени, как ирокезы сложат оружие и заговорят на французском, я уже буду на том свете.

– Что же вас так тянет в эти дикие земли? – улыбнулся Андре, отламывая себе кусок лепешки.

Брат Бартоломью ответил не сразу. Он молча прожевал ломтик сыра и запил глотком вина из кружки. Андре не торопил собеседника. Дело наверняка касалось тончайших материй, неподвластных мирскому разуму.

– Испанцы проделали большую работу в новых землях, – сказал наконец брат Бартоломью. – Захватили огромные территории, привезли в страну горы серебра и золота... Однако что касается индейцев, обращенных в христианство... они ведут себя как самые настоящие варвары.

– Неудивительно для вчерашних дикарей...

– Я говорю о колонизаторах! Впрочем, – монах бросил на Андре смущенный взгляд, – это, должно быть, я неудачно выразился. Язык еще учить и учить... Но давайте сменим тему. Вы, полагаю, прибыли из Севильи?

– Только вчера утром отплыли оттуда.

– Значит, отправитесь к неизведанным берегам с ближайшим кораблем? Насколько мне известно, он уходит через месяц.

На сей раз настала очередь гостя держать паузу. Хозяин – надо отдать ему должное – проявил ответную тактичность и не торопил его ни словом, ни взглядом. Наконец, Андре ответил:

– В Севилье мне удалось встретиться с епископом, главой Совета по делам Индий. Я рассказал ему о некоторых своих приключениях и былых заслугах, о желании увидеть берега Нового Света, даже показал ваше рекомендательное письмо... – Андре смущенно умолк.

– Что-то мне подсказывает, что дело не прошло гладко.

– Севилья полна иностранцев. Меньше всего я думал, что возникнут какие-то проблемы с местом на одном из кораблей...

– Но они возникли? – на лице монаха мелькнуло подобие грустной улыбки. – Чем окончился ваш разговор?

– Он разорвал эту бумагу и едва не бросил обрывки мне в лицо.

– Ничуть не удивлен и даже могу кое-что объяснить. Дело в том, что я тоже побывал в Севилье пару месяцев назад и имел удовольствие побеседовать с этим господином...

– Так в чем же дело, если он знает вас лично!?! – Андре уже не скрывал возмущения. – Так непочтительно отнестись к рекомендации Кавайонского инквизитора...

– Дело в том, что я больше не являюсь инквизитором Кавайонским. Чтобы отправиться в Новый Свет, мне пришлось отказаться от должности. Теперь я – самый обычный монах-доминиканец. Один из тысяч.

Доктор с минуту переваривал эту новость. Брат Бартоломью невозмутимо наполнил вином кружки и ополовинил свою.

– Разве, – неуверенно спросил Андре, – лишившись власти, вы лишились и подобающего сану почтения?

– Наш орден не пользуется большой популярностью в этих землях и меньше всего испанцы хотят допустить нас в Новый Свет.

– Кого это – “нас”?

– Я говорю о доминиканцах, – терпеливо пояснил монах. – Мы несем на своих плечах тяжелый груз: следим, чтобы ересь не проникла в ряды христиан. Это касается и внутренних дел церкви. Другие монахи нас недолюбливают, и их можно понять, поэтому на поддержку от местного духовенства рассчитывать не приходится. Но проблема в другом: испанские короли милостью Папы лично назначают инквизиторов на своих землях – и здесь мне, как иностранцу, надеяться не на что.

– Понимаю, власти не хотят пускать француза в колонии.

– Возможно, они даже опасаются шпионажа. Увы: в наше время даже духовный сан не освобождает от подозрений.

– Но ведь можно отправиться туда просто в качестве миссионера...

– За океаном хватает испанских фанатиков, сребролюбцев, наделенных властью над человеческими душами. Мне среди них места нет, и вообще моя миссия – совсем иная.

– Какая же? – полюбопытствовал Андре.

Брат Бартоломью встал и прошелся по комнате. С минуту он молча простоял возле окна, постукивая пальцем по стеклу, а потом спросил:

– Вы ведь жили среди людей в той деревне, где мы познакомились...

– Я всегда живу среди людей.

– Именно. Они что-нибудь говорили обо мне накануне приезда?

Андре задумался и после паузы ответил:

– Я слышал, что вы – честный и справедливый человек.

Брат Бартоломью повернулся к нему. Что-то похожее на улыбку исказило тонкие губы. Шелестя подолом туники по полу, он подошел к своему креслу и сел.

– Подобные отзывы тешат мою гордыню. Признаться, я думал, что внушаю страх простолюдинам.

– Возможно, в городе... А то была деревушка на краю света, куда представители власти заглядывают редко. И в предыдущее посещение вы показали себя весьма разумным и внимательным следователем.

– Разве? Я и не помню, – пожал плечами брат Бартоломью. – Тем не менее они зрели в самый корень... то есть, вопрос не в том, какой я человек, а в сути дела, которым занимаюсь. Я служу истине. А это – именно то, о чем позабыли в колониях.

– Неужели?

– Абсолютно! Пока галеоны везут оттуда серебро, никому и дела нет, что происходит на новых землях. Так называемые духовные отцы слишком заняты собственным обогащением, чтобы вспомнить о своих прямых обязанностях. Индейцы совершенно бесправны, подавлены. Истинная вера не принесла им радости и облегчения – ничего, кроме бед. Голод, страх, боль... разве для этого умирали первые христиане? Ради этого они без страха шли в огонь или в лапы ко львам?

Обычно бледное лицо монаха покраснелось, глаза заблестели, ноздри затрепетали. Сейчас Андре видел перед собой обычного фанатика. Но сребролюбцем брат Бартоломью определенно не был.

– И вы хотите восстановить справедливость?

– Я обязан сделать все, что в моих силах, – монах откинулся на спинку кресла и ударил ладонями по подлокотникам. – Поверьте, многие братья по ордену разделяют эту точку зрения и желают вмешаться в ситуацию, но... Чертовы испанцы лучше всех продвинулись в экспансии новых земель и пускать нас на свои территории не желают.

– Рано или поздно им придется это сделать.

Брат Бартоломью внимательно посмотрел на собеседника.

– Вы думаете?

– Определенно. Я мало что смыслю в сельском хозяйстве, но знаю: крестьянин не сможет вечно доить голодную и избитую корову. Рано или поздно она околеет... или поднимет его на рога.

– Для всех будет лучше, если они это поймут до того, как случится что-то подобное, – входная дверь хлопнула, заставив обоих вздрогнуть. – Кажется, этот несносный мальчишка наконец вернулся. Сейчас я ему задам... Альфонсо!

– Звали, сеньор?

В дверях появился поджарый смуглый паренек лет тринадцати, с самым невинным выражением лица, какое только возможно состряпать на хитрейшей из физиономий.

– Я вернулся почти час назад и привел гостя – а дом пуст! Как это понимать.

– Дом пуст, когда в нем никого нет.

Маленький плут оказался еще и философом. Андре с трудом удержал улыбку, и в этом ему немало помогли нахмуренные брови монаха, из-под которых были уже готовы вырваться первые молнии.

Слуге, похоже, тоже не хотелось становиться объектом гнева временно бывшего инквизитора. Альфонсо бросил беглый взгляд на стол и всплеснул руками.

– Да вы тут объедки выгребли! Я их давеча в шкаф пихнул бедным раздать, как увижу кого, а тут вон что!

– Можете успокоиться, юноша – они попали по адресу.

- Чего это? – вытаращился на монаха Альфонсо.
- Ваш бедный хозяин вместе со своим бедным гостем утолили голод, не найдя в доме ничего иного... в ваше отсутствие.
- Ой, да ладно! – воскликнул слуга. – Было бы отчего печалиться: черствых лепешек поели... Сейчас я вам мигом завтрак соображу.
- Не стоит утруждаться, мы в состоянии продержаться до обеда. Надеюсь, на него можно рассчитывать?
- Альфонсо сгреб со стола остатки трапезы, смахнув крошки рукавом на пол.
- Да все будет как надо! Сеньор с вами столоваться будет?
- Мой друг останется здесь, – ответил брат Бартоломью прежде, чем Андре успел возразить. – А насчет ужина можете не волноваться, меня ждут в доме Рико.
- Охота вам туда шастать. Я бы и крошки не мог проглотить у этого...
- Можете быть свободны!
- Слуга вышел, и Андре наконец осмелился подать голос:
- Боюсь, я не смогу остаться на обед. Меня ждут дела, а кроме того, нужно вернуться в гостиницу...
- Ничего страшного, Альфонсо сбегает туда и обо всем предупредит. Вам же лучше остаться тут, и, возможно, это касается не только сегодняшнего обеда, – брат Бартоломью поднял руку, предваряя возможные возражения. – Просто поверьте: раз вы не нашли понимания в Севилье, то и в Кадисе рассчитывать не на что... без моей помощи.
- Вы хотите сказать, меня не возьмут ни на один корабль?
- Боюсь, это так. И вынужден признать, что, если бы вы не предъявили эту злосчастную бумажку, скорее всего, никаких проблем бы не возникло. Теперь же епископ считает вас моим человеком и ваше имя... в “черном списке”.
- Андре обескураженно смотрел на монаха, а тот продолжил, как ни в чем не бывало:
- И, раз уж рекомендация, написанная моей рукой, сослужила вам такую плохую службу, я чувствую себя обязанным поспособствовать вашему отъезду.
- Но каким образом?
- Вы слышали наш с Альфонсо разговор: я приглашен ужинать к знакомому. Сеньор Рико – один из богатейших купцов в Кадисе. Это как раз его корабль отплывает в феврале, и полагаю, он не откажется взять на борт еще одного пассажира.
- Я буду очень признателен, но...
- Вы хотите спросить, отчего же я сам не воспользуюсь столь полезным знакомством? – улыбнулся брат Бартоломью. – Сеньор Рико очень приятный человек, и отправить меня в Новый Свет готов хоть сейчас – инкогнито, разумеется. Но, как я говорил, мне требуется официальное назначение от короля Испании. Простой монах без власти и связей долго не продержится за океаном. Я надеюсь снова стать инквизитором довольно скоро. Если мне удастся расследовать одно убийство, я продемонстрирую свои способности перед здешней знатью, заручусь поддержкой влиятельных испанцев – и тогда дело в шляпе.
- Если удастся... Так вам нужна будет моя помощь?
- Вообще-то, да. Может понадобится. Дело не совсем обычное. Видите ли, личность убийцы мне уже известна, только вот жертва пока жива. И если преступник не поторопится, – брат Бартоломью вздохнул, – очень возможно, что я не успею на ближайший корабль.

Глава 2

Воцарилась тишина. Андре с изумлением смотрел на брата Бартоломью, чьему хладнокровию позавидовал бы мертвый.

– Вы шутите?

– Говорю совершенно серьезно.

– Должно быть, жертва ранена и находится при смерти? – разум тщетно искал объяснение. – Вы исповедовали ее... или его и таким образом узнали личность убийцы?

– Отличное воображение! Нет, жертва пока в полном здравии.

– Стало быть, вы знаете, что готовится убийство, но ничего не собираетесь предпринимать? Это же бесчеловечно!

– Я ничего не могу предпринять, чтобы предотвратить это преступление, – спокойно возразил брат Бартоломью, – зато способен схватить убийцу и отвести подозрения от невиновных. Это ведь тоже немало, согласитесь.

– Да, но...

Андре удрученно умолк. Когда честнейший и справедливейший служитель закона рассуждает подобным образом, как тут можно возразить? К тому же, в чем-то брат Бартоломью прав: если убийство тщательно подготовлено, а преступник наделен достаточной властью, противопоставить ему нечего, пока...

– С таким я еще не сталкивался, – признал он. – И какую роль вы отводите мне в этом расследовании?

– Еще не знаю. По правде говоря, я не уверен, как именно преступник будет действовать, но ваши познания в медицине могут пригодиться. Кроме того, наверняка придется общаться с кем-то из слуг или членов семьи. Едва ли мне удастся кого-либо разговорить: сами понимаете, к иностранцу-монаху доверия нет. Вы же обаятельны, говорите без акцента, в целом легко сходитесь с людьми и, несомненно, будете полезны. А главное, – брат Бартоломью пристально посмотрел на собеседника, – мне нужен человек, ведомый той же целью, что я сам...

– Желанием попасть в Новый Свет?

– Стремлением к истине.

Андре вздохнул. Сотрудничать с человеком, чье чувство юмора скрыто за семью печатями, будет нелегко, но другого выбора нет.

– Кто наша жертва... то есть преступник?

– Узнаете в свое время. Сегодня вы познакомитесь с обоими.

– За ужином в доме Рико? – поднял брови Андре. – Это там готовится преступление?

– Именно там.

– Но вы, кажется, пользуетесь расположением хозяина – неужели ничего нельзя сделать?

– Если бы было можно, я бы сделал, – твердо сказал брат Бартоломью. – Я думал, мы поняли друг друга.

– Я понял, просто... – Андре взъерошил руками черные волосы, – наверное, чтобы свыкнуться с этим, мне нужно немного времени.

– Едва ли оно у вас есть. Думаю, убийство произойдет в ближайшие дни. Может быть, даже сегодня.

– В таком случае мне нужно будет привести себя в порядок и переодеться к ужину, а все мои вещи...

– За вещами отправьте мальчишку с запиской, а по возвращении он организует вам ванну – мой бестолковый слуга в полном вашем распоряжении, – монах поднял голову к потолку и крикнул: – Альфонсо!

Несколько часов спустя, когда солнце совершило дневной обход неба над Кадисом и уже готово было нырнуть в Атлантический океан, Андре с братом Бартоломью вышли из дома и направились к западной части города. На монахе красовалась свежевывстиранная праздничная туника, а накрахмаленный воротничок его приятеля ослепительно белел на солнце. На лицах обоих не осталось ни одной щетинки – как выяснилось, Альфонсо был не только скор на ногу, но и прекрасно умел управляться с бритвой. Слуга в считанные минуты привел в божеский вид хозяина и гостя.

Вообще он производил впечатление весьма расторопного и сообразительного парня. Андре начинал думать, что возможно, в своей оценке брат Бартоломью слишком суров. За годы, проведенные в монастыре, он попросту отвык иметь дело с обычными людьми, а тем более – с подростками. К ним нужен иной подход, одной строгостью многого не добьешься. Вот Лу...

Тут Андре вынужден был признать, что в воспитании собственного слуги не слишком преуспел. Утром Альфонсо принес из гостиницы узелок с его вещами и записку, нацарапанную неумелой рукой.

“В номере грязь без вас еле пустили. Надо денег хозяину заплотить до конца недели а так делайте что хотите. Что вы оставили я потрател на еду и все съел теперь спать лягу.

Лу Дюмон”

Не без удовлетворения Андре отметил, что подпись у парня получается неплохо, даже красиво. Для человека, впервые взявшего в руки книгу пару лет назад, прогресс просто невероятный. Хотя содержание записки красноречиво показывало: внутри Лу остался простым сыном рыбака из захолустной деревушки под Кавайоном.

Ведь, если не объяснить такое неуважение душевной простотой, напрашивается самый печальный вывод...

– Идти нам совсем недалеко, – прервал его размышления брат Бартоломью. – Давайте я в двух словах расскажу вам о компании, в которой нам предстоит провести вечер... Итак, глава семьи – Теодор Рико. Богатый и влиятельный человек, а по моему мнению, еще и неплохой ученый. Самоучка, разумеется, и вообще всего добился собственным трудом. Его жену зовут Бланка. Детей у них нет, но отношения вполне теплые. Еще в доме живет младшая сестра хозяина, сеньора Эстелла. Думаю, ее можно назвать старой девой. Обычно незамужние дамы в таком возрасте уходят в монастырь, но эта кажется вполне довольной своим положением.

– А почему бы и нет? – улыбнулся Андре.

– Вы, должно быть, решили, что слушаете брюзжание старого монаха. Я еще не забыл о мирских радостях, но тут не тот случай. Сеньора Эстелла весьма набожна; более того: в молодости она совершила паломничество в Сантьяго-де-Компостела. Это полное опасностей путешествие продолжительностью в несколько месяцев – лишь глубокая вера способна сподвигнуть женщину на такое предприятие. Сеньора Эстелла покидает дом только ради церковных служб или дел, связанных с благотворительностью – словом, в монастыре ее жизнь практически не изменилась бы.

– Действительно, странно. А она уже в преклонных годах?

– Едва ли ей больше сорока пяти. Но продолжим. У сеньора Рико живет также его кузен Ксавьер. При нем жена и почти взрослые дети-близнецы.

– Их имена мне не нужны?

Монах равнодушно пожал плечами:

– Сеньор Ксавьер состоит кем-то вроде помощника при кузене. Мелкая сошка, и отношение окружающих к нему соответствующее... Что касается семьи, имя супруги – Люсия, а детей зовут Альма и Рауль. Все они... как это называется...

– Нахлебники? – подсказал Андре. – Приживалы при богатом родственнике?

– Да, спасибо. Весьма емкое понятие. Еще у Теодора Рико давненько гостит его зять, старший брат жены Сальвадор Суарес. Месяца три назад сеньора Бланка внезапно заболела, и он тут же приехал из родового поместья. Насколько я понял, это где-то в устье Рио Тинто, в двух днях морского пути к северу. И, наконец, в доме живет доктор Мануэль Солано. Он домашний врач, а также давний друг хозяина и его помощник. Практически член семьи.

– Не многовато ли помощников у сеньора Рико?

– Доктор принимает участие в его экспериментах в лаборатории. Сеньор Теодор всерьез увлечен алхимией, – пояснил брат Бартоломью, встретив удивленный взгляд Андре. – Разумеется, он даже не глядит в сторону тонких материй и интересуется исключительно ядами.

– Так вот на что намекал ваш слуга...

– Намекал... этот щенок слишком многое себе позволяет. Он кормит меня городскими байками с самого начала нашего знакомства. Сеньора Рико в Кадисе считают кем-то вроде Синей бороды. Вы знакомы с этой легендой?

– Конечно, я слышал ее в детстве.

– Как и Альфонсо, но детство для него никак не закончится... и для половины города, пожалуй, тоже.

– Видимо, такие слухи вызваны богатством и необычным увлечением сеньора Рико?

– К сожалению, не только. Видите ли, он женат уже в третий раз, а предыдущие две...

– Убиты?!

– Помилуйте! Первая умерла в родах, это случилось почти тридцать лет тому назад. Другая действительно отравилась, но это был несчастный случай. Она вошла в лабораторию мужа, когда там никого не было, и выпила растворенный яд, приняв его за обычный лимонад.

Они шли по узкому пустому переулку, стук шагов отражался от стен, дробным эхом убегающая вперед, как разыгравшийся на прогулке пес.

– А зачем было растворять яд и делать его похожим...

– Это очень щекотливый момент: сеньор Рико вместе с доктором проводили эксперимент. Вы ведь знаете, что некоторые кулинарные ингредиенты в сочетании с ядом ослабляют или, наоборот, усиливают его действие?

– Разумеется! Сахар, например...

– Ну вот, они проверяли действие растворенного мышьяка в сочетании с лимоном и имбирем, который использовали, чтобы замаскировать запах.

– На ком проверяли? – в упор спросил Андре.

– Чаще всего – на животных. Иногда сами на себе. Сеньор Рико не из тех людей, что будет использовать рабов для своих опытов.

– Это делает ему честь.

– Но не как ученому, – возразил брат Бартоломью. – Впрочем, не могу ручаться, как бы я поступал на его месте, имея в своем распоряжении рабов. Скорее всего, не рискнул бы, это все-таки незаконно... но ради науки...

– Так когда произошел этот... несчастный случай?

– Около двадцати лет назад.

– И он женился в третий раз?

– Далеко не сразу. Это происшествие, понятное дело, не только вызвало массу слухов, но и потрясло членов семьи, включая сеньора Рико. Он прожил вдовцом почти тринадцать лет, прежде чем решился на новый брак.

– Значит, нынешняя его супруга молода?

– Думаю, ей едва ли исполнилось двадцать пять.

Андре понимающе кивнул и заметил:

– Я ничего не услышал о детях хозяина.

– Увы, ни одна из жен не принесла ему наследника.

– Но, насколько я понял, сеньор Рико уже в преклонных годах...

– О, да. В случае его смерти все должен унаследовать кузен, сеньор Ксавьер.

– И это обстоятельство не добавляет теплоты в их отношения?

– Во-первых, нынешний глава дома вполне жив и здравствует. Несмотря на возраст, это весьма крепкий и разумный человек. К тому же его нынешняя супруга вполне еще способна родить наследника, так что... – брат Бартоломью сделал неопределенный жест рукой. – Больше всего потеряет сеньора Эстелла. Думаю, в случае смерти брата ей все же придется удалиться в монастырь. Сейчас она фактически хозяйка в доме и терять свое положение явно не намерена.

– Обычно в доме всем заправляет жена хозяина.

– Сеньора Бланка моложе и наделена весьма мягким характером. Авторитет ее невестки – женщины с безупречной репутацией, паломницы и благотворительницы – непоколебим. Подозреваю, их обеих устраивает текущее положение дел.

– А что произойдет с сеньорой Бланкой, если она овдовеет?

– Да ничего, – подумав, ответил монах. – Если к тому времени она не родит наследника, то заберет свое небогатое приданое и вернется под опеку ближайшего родственника. Постойте, вы пытаетесь угадать намеченную жертву?

– Что вы! Всего лишь стараюсь разобраться в родственных связях, – улыбнулся Андре. – Впрочем, самый старший и богатый из всех перечисленных действительно кажется мне подходящей жертвой.

– Сейчас у вас будет возможность приглядеться к обитателям этого дома и подумать еще раз.

Брат Бартоломью указал на богатый особняк в конце улицы. Недавно выкрашенный фасад был раза в полтора шире соседних, а над плоской крышей второго этажа высилась смотровая башня.

– Я думал, такие сооружения находятся в ведении городских властей, – заметил Андре, кивнув на ее вершину.

– Насколько я понял, многие купцы строят башни при собственных домах, чтобы всегда иметь возможность наблюдать за морем. Жизнь в Кадисе непредсказуема... Там внутри находятся кабинет сеньора Рико с лабораторией и библиотека. При таком количестве жильцов найти лишнее помещение сложно, так что это весьма разумное архитектурное решение... Ну как, готовы проникнуть в змеиное гнездо?

Не дожидаясь ответа, брат Бартоломью взялся за дверной молоток и трижды постучал.

Темнокожий привратник открыл дверь, молча поклонился и повел гостей за собой. Втроем они пересекли просторный холл с мозаичным полом и вышли во внутренний дворик, где располагался небольшой сад. На мощеной площадке среди апельсиновых деревьев полукругом стояло несколько скамеек, на которых сидели три женщины и мужчина. В кованых жаровнях тлели угли – зимние вечера в Кадисе прохладны.

– А вот и гости! – сказала старшая из дам. – Простите, что мой дорогой брат не встречает вас лично – он снова засиделся в своей лаборатории с доктором Солано.

Это была вполне еще молодая женщина с орлиным профилем и офицерской выправкой. Черное платье с глухим воротом облегло сохранившую стройность фигуру. Длинные пальцы сжимали четки, а рядом на скамье лежала Библия. Андре легко угадал в даме сеньору Эстеллу.

Поодаль сидели еще двое: с виду добродушный толстячок и довольно тощая особа. Обоим было около сорока. Судя по манере держаться рядом – супружеская пара. Память услужливо подсказала имена: Ксавьер и Люсия. Потенциальный наследник и его жена.

Прямо напротив входа на площадку, на отдельной скамье, сидела совсем юная девушка. Должно быть, их дочь. Черные волосы были собраны в высокую прическу, огромные глаза блестели в сумерках. Простое домашнее платье и наброшенная на плечи кружевная шаль только

подчеркивали нежную красоту. Имя Альма, бесспорно, очень ей подходило. Удивительным образом в чертах ее лица не улавливалось ни малейшего сходства с родителями.

– Отрывать человека от любимого дела – мне бы никогда не пришло такое в голову, – светски улыбнулся монах. – Позвольте представить моего друга. Это доктор Андре Эрмите. Он прибыл в Кадис сегодня утром. Мы случайно встретились в городе, и я имел наглость пригласить его к вам на ужин.

– Почему же наглость? Вы поступили совершенно правильно, – ответила за всех сеньора в черном. – В нашем доме всегда рады гостям, и редкий ужин проходит чисто в семейном кругу.

За этой двусмысленной репликой последовала обычная сцена знакомства. Брат Бартоломью представил сеньору Эстеллу, сеньора Ксавьера и его супругу Люсию. Если имена троих присутствующих Андре угадал верно, но с четвертым его ждал сюрприз.

– Сеньора Бланка, – с некоторой торжественностью объявил монах, указывая на красавицу, в одиночестве сидящую на скамейке.

Андре с трудом скрыл изумление. Эта юная девушка – жена пожилого купца! Впрочем, похоже, ее вполне устраивал собственный статус. Сеньора Бланка произнесла подобающее приветствие. Голос у нее был мягким, а улыбка – очень теплой, что редко встречается среди замужних дам, особенно столь красивых.

– Ну вот, церемонии соблюдены. Присаживайтесь, прошу, – сказала сеньора Эстелла, указав четками на последнюю пустующую скамью. – Вечер сегодня прекрасен, и мы решили подождать ужина на свежем воздухе. Доктор Эрмите, так вы тоже из Франции?

– Отнюдь, – ответил Андре, усаживаясь. – Я вырос в Сарагосе, но много лет провел за границей.

– Так много, что потеряли собственное имя?

– Боюсь, потерял безвозвратно, – улыбнулся он. – Долгая жизнь за пределами родной страны меняет человека. Остается лишь радоваться, что я до сих пор не научился есть лягушек.

Сеньор Ксавьер рассмеялся, но тут же умолк под шиканье супруги. Сеньора Эстелла сдержанно улыбнулась и спросила Андре:

– Вы собираетесь открыть здесь практику или, может быть, нашли место корабельного врача в одной из экспедиций?

– Я давно не практикую...

– Сеньор Андре оставил медицину несколько лет назад, – вмешался брат Бартоломью. – Сейчас он занимается тем, что расследует разного рода преступления.

Глаза присутствующих с любопытством уставились на гостя. Сеньора Бланка, не удержавшись, воскликнула:

– Неужели? Какая интересная профессия!

Сеньора Эстелла обратила на нее строгий взгляд. Возможно, она была не согласна с озвученной мыслью, а может, воодушевление по столь приземленному поводу не могло вызывать у этой женщины ничего, кроме осуждения.

– Милочка, какое же вы, в сущности, еще дитя, – протянула сеньора Люсия. – Разве подобное занятие можно назвать профессией?

– Никогда его так не называл, – с готовностью согласился Андре. – Я просто делаю все, что могу. А чтобы служить закону официально, требуется получить образование и еще раздобыть себе место. Тут не обойтись без покровительства богатых и влиятельных родственников, которыми я не располагаю.

Сеньора Эстелла одобрительно кивнула:

– Бесспорно, зарабатывать на жизнь собственным трудом – занятие, делающее честь мужчине. Некоторые только и могут, что сидеть на шее богатой родни.

Лицо сеньоры Люсии вытянулось, а щеки ее мужа пылали даже в сгустившихся сумерках. Андре заметил сочувственный взгляд, брошенный Бланкой в сторону толстячка.

К счастью, в эту минуту в доме слышались голоса, и в сад вышли еще двое мужчин. Оба высокого роста, но совершенно разные внешне. Первый – с крупной седой головой и наметившимся брюшком – держался так, будто весь мир принадлежал ему. По крайней мере, дом и сад не могли даже рассчитывать на другого хозяина, пока был жив этот сеньор. Теодор Рико собственной персоной!

Второй мужчина был стройным, даже худощавым. Его фигуру портила небольшая сутулость, будто какой-то груз давил на плечи. Умное лицо с тонкими чертами производило весьма приятное впечатление. Длинные и изящные пальцы свидетельствовали о высоком происхождении, а покрывавшие их ожоги от реактивов выдавали человека науки. Этим незнакомцем, без всяких сомнений, был доктор Солано.

– Все в сборе! И нас даже больше, чем я ожидал, – с радушной улыбкой сказал хозяин дома. – Рад вас видеть, брат Бартоломью, и вас, сеньор, тоже рад, кем бы вы ни были.

– Это – доктор Андре Эрмите, – представила гостя сеньора Эстелла. – Он из Сарагосы, но после долгих лет во Франции предпочитает это имя, а еще отказался от медицинской практики, чтобы посвятить все время расследованию преступлений.

По непроницаемому выражению лица невозможно было понять, шутит она или говорит серьезно. Впрочем, сеньора Теодора эта загадочная рекомендация ничуть не смутила. Он энергично встряхнул руку Андре:

– И медик, и следователь? Это же потрясающе! Скажите, друг мой, вы ведь разбираетесь в ядах?

– По мере моих скромных способностей, – выдавил из себя Андре, смущенный таким энтузиазмом. Обычно его персона не вызывала особого интереса у сильных мира сего. Хотя брат Бартоломью говорил, что сеньор Теодор всего достиг сам... Такой человек, да еще увлеченный наукой, мог позволить себе сочетать некоторое высокомерие с простотой обхождения.

– Как же! Брат Бартоломью рассказывал о вас в связи с тем делом о двойном убийстве... именно вы заподозрили отравление и обнаружили источник яда! – второй мужчина ограничился легким поклоном. – Доктор Солано. Очень рад познакомиться, коллега.

– О, нет... я давно не занимаюсь медициной...

– Мой друг избрал иной жизненный путь, – пояснил брат Бартоломью. – Природная скромность не позволяет ему более называться доктором.

Андре смиренно кивнул, хотя в глубине души хотел отвесить монаху пинка. По своему авантюрному прошлому он не скучал, но все подобные вопросы стоило обсудить заранее. Бог знает, чего еще брат Бартоломью успел о нем наговорить в этом доме. Следует быть осторожнее.

– Но поболтать о ядах вы ведь не против? – обратился к нему хозяин. – У меня прекрасная лаборатория, после ужина мы отправимся туда. Уверен, вы будете в восторге.

– Боюсь, дорогой брат, ваше восторженное отношение к ядам способен разделить только доктор Солано, – вздохнула сеньора Эстелла. – За всю мою долгую жизнь я не видела более увлеченных людей, готовых с утра до ночи колдовать над какой-нибудь отравой.

Сеньор Теодор сдержанно улыбнулся:

– Вы, как обычно, преувеличиваете, милая сестренка. И насчет своих лет, и насчет круга моих интересов. Я всегда готов прервать самый интересный эксперимент, чтобы заняться семейными делами – например, чтобы остановить вашу очередную ссору с кем-то из домашних.

– Склонность к преувеличению – наша семейная черта. В этом доме не станет тише и спокойнее, даже если я прямо сейчас уйду в монастырь.

– Проверим? Ставлю песо, что вы ошибаетесь!

– Ставлю столько же! А о чем спор, дядя Теодор? Мы с сестрой все пропустили.

Эти слова принадлежали стройному невысокому юноше, который вошел в сад с девушкой под руку. Спутница была на полголовы ниже, и все-таки в их лицах угадывалось то сходство, какое бывает только у близнецов. Андре напрыг память: Рауль и Альма.

– Оставьте деньги при себе, молодой человек. Азарт способен разорить богача, а бедного – делает нищим, – сеньора Эстелла подняла со скамьи Библию с четками и строго взглянула на Рауля снизу вверх. – К тому же не забывайте, что стяжательство – смертный грех.

– Тетушка, рядом с вами ни один смертный не забудет о собственных грехах, даже если очень постарается это сделать.

– Прекрати! – девушка легко шлепнула брата по руке и села на освободившееся место рядом с сеньорой Эстеллой. – Охота вам ругаться из-за глупостей?

Молодой сеньор Рауль прислонился плечом к дереву:

– Глупостей ли? Я до сих пор не знаю, о чем был спор, а в умственных способностях дяди Теодора никогда не сомневался!

– Милая Альма права, – усмехнулся сеньор Рико. – Спор был глупым. Однако, становится свежо. Не пора ли нам перейти в столовую?

– Сальвадора еще нет, – возразила сеньора Бланка.

– И как я мог не заметить...

– Может быть, он давно за столом, выбирает лучшие куски, – с невинной улыбкой предположила сеньора Люсия.

– Опередив вас? Он слишком хорошо воспитан, – обронила сеньора Эстелла.

Рауль качнул головой:

– Вряд ли, там еще не закончили накрывать на стол. Разве что сеньору Суаресу захочется пересчитать серебро...

– Пожалуйста, не надо так шутить о моем брате.

Тихая просьба сеньоры Бланки застала молодого человека врасплох. Он тут же ступешивался и покраснел. С юноши слетела вся напускная спесь. Возраст и зависимое положение явно не лучшим образом влияли на характер Рауля, но перед прекрасной хозяйкой дома он не мог долго изображать циника.

– Ужин подан! – возвестил слуга, стоящий в дверях.

– Слава богу, – выдохнул сеньор Ксавьер. – У меня уже живот подвело.

– А когда-то бывало иначе, дорогой кузен? – поинтересовалась сеньора Эстелла, легко поднимаясь со скамьи.

– Идемте же! – хозяин взял жену под руку и направился к дому, приказав слуге: – Вели сеньору Суаресу поторопиться. Все его ждут.

– Вы преувеличиваете, дорогой зять! – в дверях стоял бледный и худощавый молодой человек лет тридцати. – Во-первых, никогда не заставлял себя ждать. Во-вторых, так ли уже “все”?

– Я ждала вас, – сеньора Бланка улыбнулась брату, но за этой улыбкой сквозила немая мольба о прекращении огня.

– А для меня чаяния дорогой супруги – важнее всего остального, – подвел итог сеньор Теодор. – Вы слышите, какие чудные запахи? Прекратим же эти глупости! Семейная ссора не стоит хорошего ужина.

Глава 3

Сеньор Рико оказался прав: превосходная еда заставила всех на время забыть обиды. За столом никто не пикировался, а редкие реплики касались только мастерства повара.

После ужина слуги убрали остатки мясных и рыбных блюд. Вскоре принесли фрукты, цукаты и сладкое вино; брат Бартоломью отказался от десерта, сославшись на пост.

– Мне тоже стоит воздержаться от сладкого, – вздохнул сеньор Рико, похлопав себя по животу. – Как насчет того, чтобы пройти в мою лабораторию?

– Прекрасная идея!

– Мануэль, вы присоединитесь к нам?

Доктор Солано смущенно взглянул на свою тарелку, где уже высилась аппетитная горка цукатов с пирожным:

– Боюсь, это меня задержит ненадолго...

– Обладай я вашей счастливой конституцией, тоже бы с удовольствием задержался. Что ж, присоединитесь к нам, когда сможете.

Сеньор Рико пожелал семье доброго вечера, поцеловал в лоб супругу и вместе с гостями вышел из столовой. Одна из дверей в просторном холле вела в смотровую башню. Внутри оказался прекрасно оборудованный кабинет алхимика. Вдоль стен до самого потолка высились библиотечные стеллажи и шкафчики, наполненные тысячами склянок с загадочным содержимым. Посередине помещения стоял огромный рабочий стол, под ним – несколько высоких табуретов. Вдоль стены слева расположилась лестница, очевидно, сконструированная таким образом, чтобы занимать меньше места.

Андре с любопытством посмотрел наверх.

– Там еще четыре этажа, – заметив его взгляд, пояснил сеньор Рико. – На трех что-то вроде библиотеки, а последний занимает камера-обскура. Я велел ее обустроить в надежде заманить сюда лучшие ученые умы, но... кто поедет на край света ради астрономических наблюдений?

– Только самые лучшие умы, – возразил брат Бартоломью. – Уверен, по мере развития колоний они чаще станут появляться в Кадисе, который давно уже пора перестать называть краем света.

– Будем надеяться, что я доживу до этих дней. Пожалуйста, садитесь!

Хозяин с грохотом выдернул из-под стола и оседлал один из табуретов. Гости последовали его примеру. Андре с опаской устроился на неустойчивом высоком сиденье: рост в очередной раз доставлял ему неудобства.

– Я привел к вам сеньора Эрмите не просто так... – сразу перешел к делу брат Бартоломью, – он хочет попасть в Новый Свет и надеется на вашу помощь.

– Все, чем могу... вы уже получили разрешение в Севилье? – уточнил сеньор Рико.

Андре сокрушенно покачал головой:

– К сожалению, нет. Впрочем, запрета тоже не получил.

– Он имел несчастье показать в Совете по делам Индий рекомендацию, выданную от моего имени, – пояснил монах. – Как вы понимаете, эта бумага не вызвала воодушевления...

– Какая незадача! Впрочем, вы ведь гражданское лицо? – хозяин взглянул на Андре, тот кивнул. – В таком случае едва ли с этим возникнут проблемы. Завтра я поговорю с капитаном и мы подумаем, что можно сделать. Скорее всего, оформим вас как матроса или врача.

– Только не как врача! То есть я готов помогать всеми силами на протяжении пути, но... не официально.

– Сеньор Эрмите не закончил университета, – пояснил брат Бартоломью, улыбнувшись. – Так что его практика была неофициальной и не совсем законной. Но медицинские познания весьма обширны, это я могу подтвердить как непосредственный свидетель их применения.

– Это самое главное! Не стесняйтесь, мой друг. Я сам переступал порог университета только в качестве гостя.

– А еще со мной слуга, – вспомнил Андре, – правда, француз и говорит с акцентом, зато моряк из него выйдет что надо.

– Все обсудим завтра, – кивнул сеньор Рико. – А теперь позвольте показать вам мою гордость, растворенный в крепленом вине цианид. Клянусь, вы не почувствуете ни малейшего вкуса и запаха! Разумеется, придется соблюдать осторожность, но мы ведь тут все разумные люди. Сеньор Эрмите, подайте-ка вон ту бутылочку из шкафа рядом с вами. Нет-нет, это чистая Мадера... впрочем, ее тоже захватите...

Вместе с присоединившимся после ужина доктором Солано они засиделись в гостях и вернулись домой далеко за полночь. Беседовали в основном о ядах и их воздействии на человека. Хозяин долго уговаривал Андре попробовать отравленное вино, а на прощание вручил гостям еще одну бутылку с чистой мадерой.

На столике в гостиной горела свеча, оставленная Альфонсо. Теперь мужчины удобно устроились в креслах со стаканами в руках и готовы были обсудить нынешний вечер.

– Ну и ну! – сказал Андре.

– Я же говорил, преинтересное семейство, – отозвался брат Бартоломью.

– Теперь я понимаю ваши подозрения. Честное слово, не расскажите вы мне о них, я сам бы непременно решил, что в этом доме кого-то рано или поздно убьют.

– Это из области догадок, интуиции... Мои подозрения основаны на другом.

– Надеюсь, вы поделитесь со мной, когда придет время. Пока я чувствую себя каким-то дураком...

Монах с любопытством взглянул на собеседника:

– Пожалуй, за вечер вы и вправду пару раз оказались в неловком положении.

– Пару раз? А с математикой у вас явно похуже, нежели с логикой, – теплая компания и вино развязали Андре язык. – Хотел вас спросить насчет того, что вы рассказывали о моей скромной персоне... Полагаете, сеньор Рико возьмет такого проходимца на один из своих кораблей?

– Я не старался выставить вас каким-то проходимцем, – монах аккуратно пригубил мадеру и отер каплю с края стакана. – Не переживайте, в конце концов, все стало бы известно, а здесь мы сами выбрали обстоятельства, при которых это произошло.

– Вы выбрали, – с нажимом сказал Андре.

– Так было нужно.

Лицо брата Бартоломью выражало полную безмятежность. Что на самом деле творилось в его душе, нашлось ли там место хотя бы капле раскаяния – Андре не имел представления. Да и не стоило об этом думать. Они целый вечер изображали приятелей перед другими, и остатки дружелюбия еще витали в воздухе.

Он решил, что лучше всего сменить тему.

– Забавно вышло: в первую минуту я принял жену сеньора Рико за его племянницу.

– Разница между ними не так велика, – согласился монах. – Лет семь, не больше. К тому же сеньора Бланка весьма красива. Я тоже был немало удивлен, когда сеньор Теодор представил меня жене. Но после двух неудачных браков он не мог рисковать: сами понимаете, чем старше супруга, тем меньше шансов на рождение наследника.

– У Алиенор Аквитанской вышло совсем иначе.

– Это лишь исключение, подтверждающее правило. Думаю, если бы не этот насущный вопрос, сеньор Теодор предпочел бы вовсе не жениться.

Брат Бартоломью нахмурился, очевидно, поняв, что занимается обычными сплетнями.

– Мне тоже так показалось, – поспешно ответил Андре. – Он так увлечен алхимией, торговые дела отнимают немало времени, да еще эти конфликты в доме...

– Суть этих конфликтов – именно в наследственном кризисе, если это выражение можно применить к незнатному семейству. Сеньор Теодор безусловно умный и приятный человек, но этот брак был вынужденным и никого не сделал особенно счастливым, – монах повертел в пальцах полупустой стакан. – Хотя это скорее норма, чем исключение.

– Неужели служитель церкви считает брак сомнительной затеей?

– В том виде, в каком он существует – безусловно, – пожал плечами брат Бартоломью. – А монашество стало скорее следствием, чем причиной этих суждений. Мой младший брат принял постриг раньше меня. Я вовсе не был обязан...

– Но предпочли семье... и любви целибат? – изумился Андре.

– Много лет назад это казалось разумным шагом. Впрочем, я ни разу не пожалел о выбранном пути. Монашеская жизнь не так скучна, как можно подумать.

– О, я даже не сомневаюсь. Среди монахов так много ученых...

– Потому что у нас есть время и силы заниматься наукой. Никто и ничто не отвлекает от размышлений и служения богу и истине. Впрочем, – добавил брат Бартоломью, – ленивых болванов, которые только и норовят пристроить зад в тепле, тоже хватает...

Андре, не удержавшись, фыркнул, и доминиканец сконфузился.

– Должно быть, я подцепил это выражение у Альфонсо. Грубо, но весьма выразительно.

– Бесспорно! По-моему, таких людей хватает в любом сословии. Взять хотя бы эту семью...

– Да-да, все они на содержании сеньора Теодора. И, заметьте, его кузен Ксавьер тяготеет своим положением куда сильнее, нежели брат сеньоры Бланки.

– Думаете, дело в дворянском титуле?

– Скорее в гордыне, которая застит Сальвадору Суаресу разум... Да и не только ему, многих знатных людей поразил этот грех.

– А род Суаресов так славен? Никогда о нем не слышал.

– Как и я. Скорее всего, их дед или прадед получил титул и земли после Реконкисты, тогда это было обычным делом. Многие отличившиеся в боях офицеры возвысились; вот удержать и приумножить свалившиеся на голову блага удалось далеко не всем.

– Значит, сеньор Сальвадор тоже живет милостями своего зятя?

– Сеньор Теодор сам мне об этом обмолвился с глазу на глаз. Брат приехал навестить сеньору Бланку еще до того, как я прибыл в Кадис, и совсем не спешит уезжать. Наверняка дела в поместье совсем расстроены.

– Отчего же зять не устроит его в одну из экспедиций? Нажить богатства в Новом Свете все еще возможно, и немало обедневших дворян были бы рады ступить на этот путь.

– Сеньор Сальвадор никогда не отличался крепким телосложением, к тому же в детстве повредил руку. Он не способен стрелять, фехтовать, с трудом пишет и едва ездит верхом... Карьера конкистадора для него недостижима, как, впрочем, и чиновника. И что остается этому молодому человеку?

– Выгодная женитьба, – предположил Андре, – или политика. Еще мадеры?

– Разве что полстакана... Благодарю. Боюсь, для политической карьеры он недостаточно обаятелен, да и на брачном рынке не представляет особой ценности. Впрочем, чего только не случается.

– Но разве, выдавая сеньору Бланку замуж за человека втрое старше, ее брат не получил какой-то выгоды?

– Брак заключили еще при жизни их отца. Приданое было чисто символическим. Сеньор Теодор – добрый человек и, конечно, был щедр к тестю. Возможно, он не считает правиль-

ным содержать молодого и относительно здорового зятя, но нарушить закон гостеприимства не способен.

– А сеньор Рико продолжает общение с семьями предыдущих жен? – поинтересовался Андре.

– Насколько мне известно, родных первой супруги угнали берберские пираты во время одного из налетов на город. Это произошло уже после смерти несчастной. А вот с семьей второй жены сеньор Теодор в каком-то смысле продолжает делить кров.

– Доктор Солано – ее родственник? – поднял брови Андре.

– Нет, я говорю о сеньоре Люсии. Они были родными сестрами. Старшей, конечно, досталась более выгодная партия, но и младшая не прогадала с выбором жениха, если учитывать открывающиеся перспективы.

– Которые с каждым годом лучше и лучше... Их сын приехал домой на каникулы или...

– Или, – улыбнулся брат Бартоломью. – Молодой Рауль нигде не учится и ничем толком не занят. Очевидно, его родители рассчитывают на богатое наследство, но стратегически едва ли окажутся в выигрыше.

– Этот юноша мне показался неглупым. Но вы правы, университет или служба принесли бы ему немалую пользу в будущем. Ведь сеньор Теодор еще полон сил и судьба может подарить ему наследника.

– Судьба иногда преподносит сюрпризы, – задумчиво ответил монах. – Что-то мы засиделись, пора бы разойтись по спальням. Альфонсо приготовил для вас комнату наверху.

Глава 4

Свой второй день в Кадисе Андре встретил с большой головой. У него к тому же свербило в носу и першило в горле. Наверняка из-за табачного дыма – хозяин вчера курил трубку. Яркие солнечные лучи, пробившиеся сквозь ставни в комнату, дополнительно раздражали глаза и бередили душу.

Вспомнилась отчего-то сеньора Бланка. Юная жена при старом муже – что может быть хуже? Разве что луковый суп без сыра. Однако сеньора выглядела вполне счастливой, и мысль об этом почему-то вызывала досаду.

Андре поморщился, чихнул и встал с постели. Его спальня располагалась рядом с хозяйской. Накануне краем глаза удалось оценить убранство комнаты брата Бартоломью, где было только все самое необходимое.

Обстановку спальни, доставшейся Андре, язык не повернулся бы назвать аскетичной: Альфонсо притащил сюда мебель и безделушки со всего дома. Умывальный столик, комод, огромное потемневшее от времени зеркало, кресло со скамейкой для ног, резной стеллаж и кованная подставка для цветочного горшка – по комнате шагу нельзя было ступить, не наткнувшись на очередное свидетельство былой роскоши. В своем усердии мальчишка прикрыл каменный пол сразу четырьмя коврами, уложенными внахлест. При ходьбе по ним поднималась пыль и оставалась в воздухе едва различимой взвесью. Из-за этого постоянно хотелось чихнуть.

Андре распахнул ставни и с минуту любовался соседской стеной, жадно вдыхая свежий воздух. Солнце стояло высоко, нужно было побыстрее приводить себя в порядок. В этой захламленной комнате спалось лучше, чем в любой из гостиниц, однако испытывать терпение хозяина не следовало. Вчера брат Бартоломью был весьма любезен, но кто знает, насколько для него важны законы гостеприимства.

Через пару минут, наскоро умывшись, Андре спустился вниз. Он надеялся учуять в гостинной запах кофе, но надежды не оправдались. Зато брат Бартоломью уже сидел там, как всегда собранный и подтянутый. По осунувшемуся лицу и горящим глазам невозможно было определить, ложился ли он вообще спать.

– Я встал до рассвета, чтобы отдать пару распоряжений, – сказал он, предваряя расспросы гостя. – Альфонсо вот-вот должен вернуться с рынка; он отправился за покупками с час назад. Этот мальчишка весьма расторопен – следует отдать ему должное – но если где-то зацепится языком...

И это снова произошло, судя по небуранному с вечера столу. Андре оглядел остатки вчерашнего пиршества, вздохнул и предложил:

– Если в доме найдется кофе и джезва, я придумаю, как нам скоротать время до его прихода.

– Думаю, найдется. Кухня в той стороне, – брат Бартоломью махнул рукой на дверь у себя за спиной.

Андре прошел в указанном направлении. По-видимому, Альфонсо был ранней птичкой и любил по утрам угоститься чашечкой бодрящего напитка – в очаге еще тлели последние угольки, на крючке рядом висела джезва, а в маленькой ступке обнаружился ароматный темно-коричневый порошок.

Подбросив в очаг сухих веток, Андре раздул пламя и приступил к делу. Готовить кофе он научился не так давно и очень собой гордился. Впрочем, получалось не всегда: примерно в половине случаев драгоценный напиток выкипал на угли, а в другой половине – оказывался слишком слабым.

Через несколько минут Андре вернулся в гостиную и поставил чашки на стол, отодвинув в сторону грязные стаканы и початую бутылку. На дне оказалось гораздо меньше мадеры, чем

было вечером. Едва ли брат Бартоломью решил причаститься до рассвета, а вот медлительность Альфонсо в данных обстоятельствах совсем не вызвала удивления.

– Жаль, Лу остался в гостинице. Он не так легок на подъем, но похвально молчалив... и любит чистоту.

– Так заберите его сюда. Ваша комната готова, и место для слуги найдется без проблем.

– Как можно! Я уже доставил вам столько хлопот своим присутствием.

– По правде говоря, их будет гораздо меньше, если вы совсем переедете ко мне, – брат Бартоломью отпил кофе и сморщился. – Пока вопрос с вашим отплытием не решен, лучше держаться вместе. К тому же если что-то случится в доме Рико...

– Я понимаю, но...

Андре был здорово смущен этим предложением. С одной стороны, можно было неплохо сэкономить на гостинице и пропитании. С другой – компания брата Бартоломью не настолько приятна, чтобы делить с ним кров в течение нескольких недель. Да и кто знает, как поведет себя Лу, характер которого в последнее время здорово испортился.

– Не уверен, что Лу захочет переезжать, – выдавил он наконец.

– Вы позволяете слуге самому решать, где жить? – поднял брови брат Бартоломью.

– Мы долго путешествовали вместе, многое пережили. Он не столько мой слуга, сколько помощник. К тому же сейчас парню нелегко: его старого коня пришлось оставить на материке. Лу очень скучает по нему.

– Вот как?

– Взять Гнедого за море мы все равно не могли, оставили на у одного крестьянина под Севильей. Заплатили за содержание на год вперед, на случай если Лу передумает и вернется... Боюсь, чтобы пережить разлуку, парню потребуется некоторое время.

– Какая трогательная история, – усмехнулся доминиканец. – Ваше влияние на этого маленького рыбака удивительно.

– Пожалуй... но каковы будут последствия этого влияния – ума не приложу.

– Время все расставит по своим местам. Даже если он вернется в родную деревню... в конце концов, латать сети веселее, когда есть о чем вспомнить. С пустотой в голове скука и греховные мысли одолеют где угодно.

Андре не нашелся, что возразить. Он бросил взгляд на окно, за которым вовсю светило солнце:

– Альфонсо и впрямь пора вернуться. Пекари уже распродают последние лепешки.

– Голодным он меня еще ни разу не оставлял, но испытывать чужое терпение у парня в крови, – в эту секунду хлопнула входная дверь. – Легок на помине! Где вас носило, юный сеньор?

Последние слова были обращены уже к Альфонсо, который вбежал в комнату и в изнеможении прислонился к стене. Его грудь ходила ходуном, щеки покраснелись, а глаза блестели от возбуждения. Парень ловил ртом воздух, и непонятно было, что причиняет ему больше страданий: физическая усталость или временная неспособность поделиться интересной новостью.

– Спокойно, спокойно! – Андре подошел к юноше, забрал из его рук покупки и кивнул на собственное кресло. – Садитесь и переведите дух. Похвально, что вы так спешили накормить хозяина, но еще несколько минут мы продержимся.

– Я уверен: бежал он только последний квартал, чтобы произвести на нас впечатление, – скептицизм брата Бартоломью был непоколебим.

– Всю дорогу... от самого рынка... – даже сквозь прерывистое дыхание подростка явно слышалась обида. – Там такое!

– Пираты? – не без тревоги спросил Андре, стоявший рядом с остывшей выпечкой в руках.

Альфонсо пренебрежительно махнул рукой.

– Какое там! Тревогу бы давно... тут дело посерьезней... – он с усилием перевел дыхание и выпалил: – Черного Рико отравили!

В дальнейших расспросах из него удалось вытрясти немного. По словам мальчишки, он уже купил все необходимое и собирался домой, когда по рыночной площади пронеслась ужасная весть: Теодор Рико при смерти. Его нашли в собственной лаборатории, едва живым. Нет даже сомнений, что старику подсынули яд.

– Может быть, это только слух? Вам следовало добежать до дома Рико и разузнать все подробнее.

– Я и добежал! Там на улице полно ребятни, а из слуг никого не знаю. Даже на порог не пустили, еле ноги унес, – возмущенно оправдывался Альфонсо.

– Нужно идти туда, – обернулся к монаху Андре.

– Немедленно... Я только захвачу все, что необходимо для последнего причастия. Если это правда, за священником наверняка послали, но вдруг...

Вскоре Андре и брат Бартоломью были возле дома Рико. Стайки мальчишек виднелись то здесь, то там по улице; самые смелые подходили ближе. При виде монаха-доминиканца и одетого в черное Андре они возбужденно загалдели, но на всякий случай отошли на безопасное расстояние.

Брат Бартоломью всего раз успел ударить дверным молотком. Им открыл вчерашний привратник. При свете дня его кожа казалась еще темнее, чем вечером. А может, это тень скорби легла на лицо раба? Судя по его покрасневшим глазам, худшее уже случилось.

– Кто там? – послышался голос из глубины холла, и в солнечный прямоугольник у двери выступил доктор Солано. – Ах, это вы! То есть, я хотел сказать... простите, сеньоры. Мы ждем следователя и потихоньку сходим здесь с ума.

Он отступил в сторону, приглашая непрошенных гостей войти. Слуга тут же захлопнул дверь.

В доме царила полная тишина. Вошедшие с шумной улицы были сбиты с толку: их словно накрыли вдруг ватным одеялом. Брат Бартоломью сохранил внешнее спокойствие, но Андре невольно наострил уши в надежде уловить хоть какой-нибудь звук. Доктор это заметил и поспешил объясниться:

– Почти все наверху, в своих спальнях. Никто и представить не мог... Священник успел к нему в последнюю минуту, когда уже началась агония. Такое горе!

– Это отравление?

– Очень похоже. У несчастного были судороги и сильнейшие боли в животе. Думаю, мышьяк.

– Доктор, – строго сказал брат Бартоломью, – знаю, сеньор Теодор был для вас не только наставником, но и другом... Ради этой дружбы прошу вас постараться припомнить все, что случилось сегодня ночью и этим утром.

– Конечно! У меня сейчас голова идет кругом, но я попытаюсь... – прикрыв глаза, доктор помассировал переносицу и несколько раз глубоко вздохнул. – Вчера я ушел к себе, едва распрощавшись с вами, сеньоры. Мы с Теодором... сеньором Рико поднялись одновременно, и последний раз я его видел в добром здравии перед тем как вошел в свою спальню. Мы пожелали друг другу спокойной ночи...

Его голос дрогнул. Брат Бартоломью пришел на помощь:

– Сеньор Рико говорил о чем-нибудь по пути наверх?

– Мы перебросились парой фраз о следующем эксперименте. Просто обсудили планы на ближайшие дни.

– А сегодня утром вы не виделись?

Доктор Солано покачал головой:

– Я спустился, когда стол уже был накрыт, почти все в сборе... не хватало только хозяина. Я вызвался сходить за ним и поднялся наверх, но на стук в дверь никто не отозвался и в спальне никого не было. Я понял, что сеньор Рико проснулся раньше обычного и, должно быть, решил поработать...

– Это не было характерно для него? – быстро спросил Андре.

– Как правило, сеньор вставал только к завтраку.

– Что произошло потом?

– Дом он наверняка не покидал: входная дверь еще оставалась запертой, да и привратник бы заметил. Я решил поискать сеньора Рико в лаборатории и отправился туда... Едва я вошел, как увидел его: несчастный лежал на полу, все его тело свело судорогой, руки были подтянуты к груди, кожа покраснела, а на лице застыло страдающее выражение.

Последние фразы были практически дословно взяты из справочника. Обычно доктор не злоупотреблял медицинской терминологией. Во всяком случае, не был в этом замечен прошлым вечером. Андре тайком бросил на него любопытный взгляд. Должно быть, тяжело рассказывать о смерти близкого друга и сохранять при этом хладнокровие и тем паче – профессионализм.

– Сеньор Рико испустил дух в лаборатории? – брат Бартоломью невольно перевел взгляд на дверь в трех шагах от них.

Доктор вздрогнул:

– О, нет. Слуги перенесли его в спальню. Там сеньор принял последнее причастие... если принял. Он едва ли был в сознании.

– Мы хотели бы осмотреть тело и лабораторию, – без обиняков сказал брат Бартоломью. – В таких случаях нельзя медлить. Если следователь задерживается, мы выполним его работу.

Доктор Солано выглядел растерянным.

– Даже не знаю, имею ли я право что-то позволять или запрещать в этом доме...

– Вы можете пойти туда с нами, – монах указал на дверь в башню. – Осмотримся вместе.

– Но что вы ожидаете там найти?

– То есть как что... – поднял брови Андре. – Вы же не думаете, что сеньор Теодор сам принял яд?

Доктор отшатнулся. На его лице был написан неподдельный ужас.

– Мне даже в голову не приходило... Вы считаете, что в доме произошло убийство?

– Я собираюсь это выяснить, – брат Бартоломью сделал ударение на последнем слове. – Так вы позволите нам осмотреть лабораторию?

– Конечно-конечно, – доктор сделал приглашающий жест рукой и сам поспешил вперед. – Должно быть, я совершенно потерял голову после того, что произошло. А это ведь самое очевидное объяснение!

– Вы хотите сказать, что догадываетесь, кто мог это сделать? – уточнил Андре, когда все трое вошли в лабораторию и закрыли за собой дверь.

– Ни в коем случае! Я просто не сообразил сразу, что сам Теодор не мог принять яд. У него не было никаких причин для этого. Даже наоборот... вы же знаете.

Брат Бартоломью, к которому были обращены эти слова, не ответил. Он внимательно осматривал помещение. Не дождавшись объяснений монаха, Андре последовал его примеру.

Казалось, здесь ничего не изменилось со вчерашнего вечера. Разве что стало чище, исчезли стаканы и пустая бутылка из-под мадеры, к тому же кто-то аккуратно задвинул под стол все табуреты, кроме одного. Он лежал опрокинутым возле стены, служа немым укором почти безупречному порядку.

– Сеньор Рико вчера показывал нам бутылку с отравленным вином. Где она?

– Думаю, на прежнем месте, – доктор подошел к шкафчику и открыл его. – Да, стоит здесь.

- Количество не изменилось? – спросил Андре, подходя ближе.
- По-моему, нет. Посмотрите сами, вы же видели бутылку вчера.
- Я не слишком приглядывался... Но, думаю, вы правы. Да и стаканов не видно – вряд ли сеньор Теодор стал бы пить вино прямо из бутылки, если бы вдруг захотел... Слуги ведь не убрались здесь сегодня?
- Нет, только вчера после нашего ухода. И стол был пуст, когда я утром пришел сюда.
- А другие яды?
- Заперты в особом шкафу, ключ у меня.
- Интересно, – заметил брат Бартоломью с другого конца комнаты. – Ставни открыты и сгоревшей свечи я не вижу.
- Видимо, он спустился сюда, когда было уже достаточно светло, – догадался Андре.
- Монах кивнул:
- Я проснулся сегодня около семи. До восхода оставалось больше часа, но передвигаться в сумерках я мог вполне уверенно. Впрочем, перепутать бутылки при таком слабом свете тоже можно.
- Сеньор Теодор не имел привычки пить вино по утрам! – возмутился доктор Солано. – К тому же, проснувшись так рано, он бы скорее потребовал бы себе кофе. А еще вернее – остался бы в постели, тем более сегодня. Не забываете о его возрасте. У меня самого тяжелая голова после вчерашнего вечера, а мой друг был почти на двадцать лет старше!
- Я лишь пытаюсь разобраться, – примирительно сказал брат Бартоломью. – Значит, мы можем заключить, что сеньор Рико спустился в лабораторию около семи, а вы его обнаружили примерно через час?
- Именно так.
- Привратник, должно быть, видел, как хозяин вошел в лабораторию?
- Нет, на ночь он запирает дверь и уходит спать. Жилые помещения для рабов расположены в северном крыле дома, рядом с кухней.
- Так далеко? А если хозяйева проснутся рано?
- Обычно все собираются к завтраку, около восьми часов. В столовой есть шнур, ведущий к колокольчику на кухне... Несмотря на богатство, члены семьи довольно самостоятельны в быту. Слуги не заходят на хозяйскую половину до завтрака, если только никто не болен или...
- Понимаю. Что ж, здесь как будто все ясно; можем подняться в спальню и осмотреть тело. Сеньор Эрмите, вы нашли что-то интересное?
- Андре в задумчивости стоял над опрокинутым табуретом.
- Похоже, слуги вчера вечером старательно здесь прибрались и задвинули все табуреты под стол. Вам не кажется, что этот лежит слишком далеко?
- Мышьяк вызывает сильные судороги... – начал доктор Солано.
- Знаю, но посмотрите на расстояние, – Андре прошелся от табурета до стола и обратно. – Скорее похоже, что сеньор Рико вовсе не сидел за столом, а напротив, поднес табурет ближе к окну.
- Думаете, ему нужно было больше света? – брат Бартоломью нахмурился.
- Скорее всего, да. Возможно, он пытался что-то прочесть... вы не видели никаких бумаг на полу? – спросил Андре у доктора.
- Нет, ничего не видел.
- Давайте поищем вокруг, – предложил брат Бартоломью и с удивительным проворством упал на колени, чтобы заглянуть под ближайший шкаф.
- Через минуту трое сконфуженных мужчин стояли посреди лаборатории, отряхивая одежду от пыли. Под шкафами, полками и столом ничего обнаружить не удалось.
- А кто-то кроме слуг заходил сюда, когда вы нашли хозяина?
- Конечно! Я открыл дверь и закричал, все тут же прибежали из столовой.

- Значит, любой мог подобрать бумагу в суматохе... – пробормотал Андре.
- Если только она не осталась у сеньора Рико, – возразил монах. – Впрочем, это пока лишь догадки – может, вовсе не было никакой записки.
- Нужно осмотреть тело... – решительно заявил доктор Солано. – Его не стали раздевать, а в спальне сейчас никого.
- Идем туда, – решил брат Бартоломью и распахнул дверь.

Глава 5

Вход в спальное крыло находился в глубине холла., за узорчатой аркой. Коридор там сворачивал направо, а прямо перед гостями убегала вверх широкая мраморная лестница. Они поднялись по ступеням в довольно длинную и тоже отделанную мрамором галерею. Свет лился из узких окон справа, а вдоль стены слева располагались четыре двери.

– Как будто спален намного меньше, чем жильцов, – заметил Андре.

– На втором этаже живут только самые близкие члены семьи... и ваш покорный слуга – уже много лет, – не без смущения добавил доктор Солано. – Я пытался отказаться, но сеньор Теодор настоял, чтобы его помощник и врач всегда был рядом. Его дверь – вот она, самая первая, затем идет спальня сеньоры Бланки, следом – моя. Комнату в конце коридора занимает сеньора Эстелла.

– Внизу тоже четыре спальни?

– Да. Сеньор Ксавьер с супругой живут вместе, а у их детей отдельные комнаты. Несколько лет назад было наоборот, но... малыши выросли. Четвертую спальню держали для гостей, которых не поселишь в одном крыле со слугами; с осени ее занимает сеньор Суарес.

– Стало быть, нам сюда, – брат Бартоломью подошел к первой двери и взялся за ручку. – Надеюсь, там никого нет.

– Не должно. Сеньора Бланка была на грани обморока, брат увел ее почти сразу. Остальные тоже разошлись по своим комнатам. Я покинул комнату последним.

Монах кивнул и открыл дверь. Они вошли в просторную спальню. Обстановка здесь была простой, но удобной – хозяин явно ставил комфорт выше эстетики. Андре обратил внимание, что, несмотря на открытые ставни, в комнате царил полумрак, поскольку единственное окно выходило на север.

– Рано утром здесь наверняка было совсем темно. Чтобы что-нибудь прочесть, сеньору Рико пришлось бы спуститься в кабинет, – сказал брат Бартоломью, будто разгадав его мысли.

– Но в холле намного светлее, – возразил Андре. – Зачем идти так далеко?

– Сеньоры! Может быть, прежде чем строить теории, найдем записку?

Нервно постукивая пальцами по спинке кровати, доктор Солано стоял возле покойного хозяина. Судя по напряженной позе, смерть сеньора Рико была мучительной. Он лежал на левом боку, смяв одеяло и прижав к груди сведенные судорогой руки. Потемневшая кожа и отечность лица явно указывали на отравление.

– Нужно обыскать его одежду, – сказал брат Бартоломью. – Возможно, нам придется перевернуть тело.

– Не хотелось бы этого делать до прихода следователя... впрочем, если мы распрявим конечности до того, как мышцы оченеют, то облегчим работу тем, кому предстоит готовить тело к погребению, – отозвался доктор Солано.

Кивнув друг другу, они перевернули сеньора Рико на спину и выпрямили его руки и ноги. Андре не присоединился к обыску – не хотелось создавать толкотню возле тела. Он встал у изножья постели и сосредоточился на деталях.

Одежда покойного была в беспорядке: часть пуговиц и пряжек расстегнута, чулок спущен, сорочка не заправлена – все это говорило о том, что сеньор Рико одевался не слишком тщательно и наверняка спешил.

Наблюдение было несомненно ценным, но Андре не торопился его озвучивать: наверняка доктор и брат Бартоломью пришли к тем же выводам. Их лица с каждой минутой безуспешных поисков становились все более хмурыми, так что прерывать молчание не хотелось.

– О! – воскликнул доктор Солано, обнаруживший что-то под сорочкой. – Думаю, мы на верном пути.

– В чем дело, доктор? – поднял брови брат Бартоломью.

– Очки! Сеньор Рико держал их в лаборатории, поскольку работал и читал только там. – Доктор продемонстрировал всем очки для чтения на цепочке. – Понимаете? Вот зачем он спустился! Невооруженным взглядом сеньор Рико мог разобрать только крупные буквы, а если была записка...

– Если и была, то исчезла! – монах отошел к окну. – Что толку от этих теорий... мы осмотрели всю одежду и даже заглянули за пазуху...

– Но забыли про руки.

Брат Бартоломью обернулся, а доктор Солано с Андре уже склонились над телом, разгибая скрюченные судорогой пальцы на обеих руках.

– Ничего, – разочарованно сказал доктор, который справился с задачей быстрее.

В ту же секунду Андре торжествующе поднял в воздух скомканную бумажку:

– Есть!

– Сюда, к свету! – скомандовал монах. – Положите ее на подоконник.

Втроем они столпились у окна, и Андре со всей осторожностью развернул записку. Очевидно, отправитель склеил ее края: местами бумага была липкой и кое-где виднелись надрывы. Сеньору Рико наверняка пришлось потрудиться, чтобы добраться до содержимого.

На одной стороне листа крупными буквами было выведено: «Убийца» – а на второй оказался текст, написанный неровным и мелким почерком:

«В вашем доме убийца. Опасность грозит каждому. Вы сами наверняка догадываетесь, о ком я говорю. Если хотите получить настоящие доказательства, уничтожьте записку и ждите. Никому не рассказывайте о том, что узнали. Вы сами виноваты во всем».

– Что это за бред? – воскликнул доктор.

Брат Бартоломью прислонился плечом к стене, скрестив руки на груди, и задумался. Затем спросил у него:

– Вам знаком этот почерк?

– Впервые его вижу. К тому же в доме хороший запас писчей бумаги, эта – совсем другая. Дешевая.

– А достать такую можно без труда?

– Думаю, да. В любой лавке.

Брат Бартоломью вздохнул и бросил хмурый взгляд на клочок бумаги, лежащий на подоконнике.

– Судя по спешке, с которой сеньор Рико одевался и покидал спальню, записку он получил рано утром. Следует допросить слуг, но вряд ли мы чего-то добьемся.

– Вы хотите сказать, что ее написал кто-то из живущих в доме? – изумился доктор Солано.

– Да. Скорее всего, бумажку просто подсунули под дверь.

– Значит, сеньор Рико получил это предупреждение и тут же каким-то образом принял яд?

В эту минуту снаружи послышался шум: несколько человек поднимались по лестнице, громко при этом разговаривая. Брат Бартоломью без лишних размышлений пересек комнату и распахнул дверь. Там стоял пожилой господин с совершенно лысой головой и неохватным животом. За его спиной перетаптывались с ноги на ногу двое стражников.

Толстяк с изумлением уставился на монаха:

– Я думал, сеньор Рико испустил дух не менее часа назад. Что вы здесь делаете?

– Меня зовут брат Бартоломью. Я принадлежу к доминиканскому ордену и последние двадцать лет служил в инквизиции Кавайона...

– Да-да, что-то о вас слышал, – посетитель прошел в комнату, оттеснив монаха со своего пути. – Ну а я – Эрнесто Каррера, судебный следователь Кадиса. Стало быть, сеньор Рико мертв?

– Мы полагаем, он был отравлен, – подал голос доктор Солано, удостоившийся приветственного кивка от следователя. – Я наблюдал агонию последнего часа, все признаки отравления мышьяком налицо.

– Что ж тут удивительного? С такими увлечениями... – сеньор Каррера уселся на единственный в комнате стул и вздохнул. – В доме целая башня с ядами – странно, что за двадцать лет отравилось всего два человека.

– Полагаю, тут все не так просто, – заметил брат Бартоломью, – в его руке обнаружилась записка, в которой некто предупреждает, что в доме живет убийца.

– Да ну? Где же она?

– Лежит на подоконнике.

Следователь с усилием поднялся и просеменил к окну. Он с минуту шурился на неровные строчки, шевеля губами и, наконец, обернулся к монаху:

– Ну и что? Какие-то бредни сумасшедшего. Дурацкие слухи о Черном Рико много лет гуляют по Кадису, наверняка бедный сеньор получал такие письма пачками.

– Не припомню этого... – возразил доктор Солано. – Я живу здесь много лет и могу поклясться, что сеньору Рико никогда не присылали подобной чепухи.

– Значит, кто-то из сплетников наконец научился грамоте, – ухмыльнулся следователь. – Лучше так, чем писать ложные доносы и прибавлять мне работы... Стало быть, здесь у нас очередной несчастный случай. Надеюсь, наследники разберутся с этой жуткой башней и превратят ее во что-нибудь более благопристойное.

– Вы не собираетесь начинать следствие? – прямо спросил брат Бартоломью.

– Для этого нужно преступление, а здесь его нет. Все-таки французы слишком впечатлительны... – сеньор Каррера дал отмашку стражникам, после чего продолжил: – Можно было бы заподозрить самоубийство, но его духовник мне ничего об этом не сообщил. Передайте родне, что для подобающих похорон нет препятствий. А мне пора возвращаться к своим делам. Всего доброго, сеньоры!

Он отвесил присутствующим едва заметный поклон и, на каждом шагу колыхаясь, словно гора желе, вышел за дверь.

В спальне снова воцарилась тишина. Некоторое время мужчины прислушивались к удаляющимся по лестнице шагам сеньора Карреры. Наконец, брат Бартоломью поинтересовался:

– И давно этот господин служит судебным следователем?

– Очень давно. Я переехал в Кадис и поступил на службу в этот дом больше двадцати лет назад, а сеньор Каррера получил свое место еще раньше, – отозвался доктор Солано. – Он расследовал гибель второй супруги сеньора Рико и пришел к аналогичным выводам. С ними, впрочем, я был согласен.

– Судя по слухам, которые ходят до сих пор, он тогда тоже не слишком старался?

– Расследовать там особенно было нечего... впрочем, рвение сеньора Карреры двадцать лет назад было не лучше сегодняшнего... Но что же нам делать теперь? Если сеньора Рико на самом деле отравили, убийца останется безнаказанным!

Брат Бартоломью ответил не сразу. Он задумчиво посмотрел на записку, оставленную следователем на окне, затем аккуратно сложил ее и убрал в кошелек, пристегнутый к поясу.

– Думаю, нам стоит задать пару вопросов слугам и убедиться, что письмо не попало в дом извне. После этого я бы не отказался от завтрака.

Внизу, у входной двери, доктор задержался, чтобы спросить привратника, когда в дом в последний раз доставляли почту.

– Дня три назад, – ответил тот, подумав. – И давеча был мальчишка с запиской, ее забрала сеньора Эстелла.

– Но сеньор Теодор получил некое послание. Кто-то из слуг не мог его принести?

– Точно нет. Письма получаю и отдаю я.

Убедившись, что больше от слуги узнать нечего, мужчины прошли в столовую. Там уже подали обед, но жильцы не торопились спускаться. У кого-то вследствие случившейся трагедии аппетит пропал по-настоящему, а кто-то лишь изображал скорбь. Андре представил, как голодные сеньоры сидят в своих спальнях, прислушиваясь к каждому шороху за дверью: не пора ли выбираться наружу? Прилично ли это? Что подумают остальные?

И один из них особенно озабочен тем, чтобы вести себя как подобает. Ведь убийцу может выдать любая мелочь, даже плохо скрываемое чувство голода в минуту, когда следует всю себя предаваться скорби.

Усевшись за стол, брат Бартоломью сказал ему:

– Теперь мы знаем точно, что записку подбросил кто-то из домашних. При этом почерк доктору не знаком, а содержание письма – весьма сомнительное.

Андре кивнул:

– Очевидно, что для несчастного случая слишком много неясностей. Но, думаю, я понял, почему сеньор Рико так спешил прочесть эту записку: полагаю, бумага была свернута таким образом, чтобы крупная и отчетливая надпись «Убийца» оказалась снаружи. Он разобрал это слово даже без очков и при неясном свете, а вот чтобы узнать остальное...

– Стало быть, автор записки знал о плохом зрении сеньора Рико и, возможно, о его привычке хранить очки в лаборатории.

– Думаете, сеньора Рико пытались выманить из спальни?

– Может быть... – после секундного колебания ответил монах. – Пока мы знаем только то, что он получил странную записку и яд. Фактически больше нам ничего не известно.

Андре с удивлением поглядел на него. Еще вчера брат Бартоломью излучал спокойную уверенность, однако теперь выглядел по-настоящему озадаченным. Да и разговор со следователем явно прошел не так, как он ожидал. Что происходит? Разве монах не предвидел всего этого?

Доктор Солано, чтобы разрядить обстановку, сказал:

– Еда остыла. Может быть, вызвать слугу?

– Не слишком удобно приступать к трапезе в отсутствие остальных, – заметил Андре.

– Мне кажется, кто-то идет.

Слух не обманул доктора, потому что в столовую вошли сеньора Бланка под руку с братом. Женщина надела черное платье и покрыла волосы шалью, сеньор Суарес украсил рукав траурной повязкой. Только теперь Андре заметил, что дворянин прихрамывает на левую ногу. Тощий и нескладный, он выглядел почти уродом рядом с красавицей-сестрой.

Лицо вдовы выражало глубокую печаль. Она сильно побледнела и осунулась по сравнению со вчерашним днем, но даже это не портило ее красоту.

– Я рад, что вы нашли в себе силы спуститься к столу, – обратился к даме доктор Солано.

– Это благодаря брату; он меня уговорил, – тихо ответила она. – Сомневаюсь, что смогу хоть что-нибудь съесть сегодня.

– Такое потрясение у кого угодно отобьет аппетит. Но вы еще не совсем здоровы и должны быть внимательнее к себе.

– Я прослежу за тем, чтобы с моей сестрой все было в порядке, – заявил сеньор Суарес. – Мы благодарим вас за внимание, доктор.

Снаружи вновь послышались голоса, и через секунду появились сеньор Ксавьер с супругой. Оба также надели траурные повязки, но на лице дамы выражение скорби перемешивалось с плохо скрываемым торжеством. Особенно это было видно по острому, вздернутому носику.

Сразу следом за супругами в столовую вошла сеньора Эстелла, и разгадать ее мысли мог бы разве что Эдип. Отсутствие зрения ему ничуть бы не помешало, поскольку лицо женщины было совершенно непроницаемым и к тому же пряталось под черной вуалью.

– Ого! Почти все в сборе! – воскликнула сеньора Люсия, кивнув гостям. – А мы столкнулись на лестнице и обсуждали похороны бедного Теодора. Ведь если окажется, что на кладбище ему места не будет...

– Все станет ясно после визита следователя, – перебила ее сеньора Эстелла.

– Он уже был здесь и перед уходом сказал, что не видит препятствий для подходящего погребения, – ответил доктор Солано.

– Он ушел, не поговорив ни с кем из членов семьи? – нахмурилась она.

– Заявил, что у него дела – и... – развел руками доктор. – Сеньор Каррера пришел к четкому выводу, что это несчастный случай, и не видел смысла задерживаться.

– Ну разумеется, к какому еще выводу он мог прийти? – подал наконец голос сеньор Ксавьер, до сих пор интересовавшийся только содержимым тарелок на столе. – С чего бы моему несчастному кузену накладывать на себя руки?

– Это вызвало бы проблемы с похоронами, – согласился брат Бартоломью, – но решило бы множество проблем в будущем.

– О чем вы говорите?

– О том, что самоубийство в городе забылось бы быстро, однако очередная загадочная смерть в доме Рико вызовет множество пересудов, которые коснутся всех вас.

Стук ложек прекратился. Все тревожно смотрели на монаха, не решаясь взглянуть друг другу в глаза.

– Глупости, – без особой уверенности сказала сеньора Люсия, хотя ее маленький подбородок дрогнул. – Люди быстро забывают...

– Простите, но о смерти вашей сестры мне рассказали, едва я прибыл в Кадис. Первый же встречный мальчишка. Прошло двадцать лет, а сеньора Теодора по сей день называют...

– Черный Рико, – прошептала молодая вдова.

Сеньора Эстелла посмотрела на нее с изумлением вперемешку с негодованием:

– Вы слышали об этом гадком прозвище?!

Бледные щеки сеньоры Бланки залил яркий румянец. Она не знала, куда девать глаза. Сидящий рядом брат с досадой воскликнул:

– Боже мой, да даже в Уэльве о нем прекрасно известно! Два дня пути отсюда, а иначе, как Черным Рико, никто моего покойного зятя не называет. Уверю вас, то же самое происходит в Севилье... по крайней мере, когда я учился в университете, слышал эту историю не раз.

Сеньора Эстелла окинула его ироничным взглядом:

– А я слышала, что вы были в университете, но... – ее лицо обрело прежнюю строгость. – Пока вы под крышей дома Рико и пользуетесь гостеприимством его хозяев, будьте любезны соблюдать приличия, сеньор Суарес.

– Хозяев? – подняла брови сеньора Люсия. – Я-то думала, у дома может быть только один хозяин...

– Может быть, придержите свои амбиции до конца похорон, милочка? Все и так прекрасно понимают, что вам и Ксавьеру не терпится прибрать все к рукам.

– Эстелла! – пухлый кулачок нового хозяина, которого пока никто не желал слушать, стукнул по столу. – Вам тоже стоит вспомнить о приличиях. В конце концов, мы не одни. А со своей стороны могу сказать, что не собираюсь выставлять вас из дома при первой же возможности.

– Когда мне ждать второй, кузен?

Брат Бартоломью встал и поднял руку.

– Сеньоры!

Его худая фигура в черно-белом одеянии возвышалась над столом. Все невольно умолкли.

– Мне неловко вмешиваться в семейный разговор, – сказал он, – но молчать также невозможно. Дело в том, что у сеньора Рико есть другой наследник.

Глава 6

- Что?! – потеряв самообладание, сеньора Люсия едва не вскочила. – Наследник? Сын?
- Именно так.

Брат Бартоломью уселся на место и спокойно оглядел присутствующих за столом. Андре тоже украдкой наблюдал: на всех лицах сейчас отражалось неподдельное изумление. Похоже, эта новость по-настоящему огорошила каждого.

- Позвольте, но ни одна из его жен не оставила потомства, – возразил доктор Солано.
- Мальчик родился вне брака.

Морщины на лбу сеньоры Люсии разгладились. Она откинулась на спинку стула, махнув рукой:

– Но это ведь совсем другое дело! Незаконнорожденному сыну потребуются серьезные доказательства, чтобы заявить права на наследство.

– Этому юноше ничего не придется доказывать, – покачал головой брат Бартоломью. – Кроме того, для него это наверняка будет сюрпризом. С отцом он никогда не разговаривал и практически ничего о нем не знает.

Члены семьи Рико, доктор Солано и даже сеньор Суарес были окончательно сбиты с толку. Одна сеньора Эстелла оставалась спокойной и казалась погруженной в свои мысли. Наконец она подняла голову и спросила:

- Есть завещание? Мой брат легитимизировал этого мальчика?

– Да. Сеньор Рико рассказал мне о существовании внебрачного сына месяц тому назад. Он обдумывал идею узаконить его, поскольку опасался, что останется без прямого наследника. Я поддержал эту идею. Позже сеньор Рико сообщил, что связался с местным нотариусом и уладил все формальности. Он официально признал Тобиаса Лопеса своим сыном и наследником.

Все молчали. Никому доселе не известное имя наследника словно повисло в воздухе: Тобиас Лопес.

– Стало быть, скоро в этом доме будет новый хозяин, – проговорил потрясенный доктор Солано. – Видимо, мне пора собирать вещи.

Брат Бартоломью качнул головой:

– Не спешите. Этот юноша учится в севильском университете – возможно, он увлечен науками, как и отец. Лучше дождаться его, прежде чем принимать решение о поиске нового места.

– Пожалуй... В университете у меня сохранились знакомства. Я сейчас же напишу и попрошу отправить Тобиаса Лопеса сюда.

Доктор привстал было, но сеньора Эстелла сделала властный жест, останавливая его:

- Не утруждайтесь. Юноша сейчас в Кадисе.

Эта весть была встречена звоном стекла. По скатерти расплзлось темное пятно. Сеньора Люсия едва обратила внимание на разбитый винный бокал – она была в ярости.

– Так вы знали обо всем? Невероятно! Столько лет терпеть эти унижения, чтобы все досталось какому-то мальчишке...

Муж с внезапной нежностью взял ее за руку:

– Прекратите, дорогая. Не надо. Извините нас, сеньоры, – обратился он к остальным, – что-то совсем пропал аппетит. Мы побудем у себя.

Сеньор Ксавьер помог супруге подняться, и они вместе покинули столовую. Тогда брат Бартоломью задал сеньоре Эстелле мучивший всех вопрос:

- Значит, вы знали о существовании племянника?

– Знала больше, чем кто-либо. К сожалению, брат ничего мне не сказал о своих планах, но в последние годы мы не слишком ладили, – она вздохнула и поднялась. – Сейчас я должна написать Тобиасу, а также пригласить нотариуса. Обещаю, после я расскажу вам все, как есть.

Шурша юбками, женщина вышла. Остальные сидели на своих местах с самым растерянным видом.

– В этой семье то и дело происходят странные события, – протянул сеньор Суарес. – Жду не дождусь, когда мы уедем домой.

Его сестра подняла голову и спокойно сказала:

– Это случится не завтра, а пока нужно позаботиться о важных на сегодня вещах. Доктор Солано, я прошу вас как друга нашей семьи оказать мне любезность: сообщите в монастырь, что нужно подготовить сеньора Рико к погребению.

– Я немедленно отправлюсь туда.

– Благодарю вас. А я прошу меня извинить, – сеньора Бланка поднялась со стула. – Сегодня очень непростой день: столько событий.

– Ты же совсем ничего не съела, – возмутился сеньор Суарес. – Я провожу – не хватало еще, чтобы ты упала в обморок на лестнице.

Женщина бросила на брата рассеянный взгляд и приняла предложенную руку. Когда оба скрылись за дверью, доктор Солано обернулся к гостям:

– Придется ненадолго уйти. Монастырь совсем рядом, я постараюсь побыстрее.

– Может быть, нам лучше подождать вас в саду?

– Что вы! Закончите пока завтрак и вообще почувствуйте себя как дома. Иначе, боюсь, старания повара сегодня будут напрасными.

За столом и впрямь никого больше не осталось. Андре почти ничего не успел съесть и с тоской обвел взглядом поданные к завтраку яства. В этом доме ценили хорошую еду, а покойный хозяин определенно умел наслаждаться жизнью... может быть, кто-нибудь из завистников убил его, чтобы переманить к себе повара?

Брат Бартоломью в эту минуту прислушался к чему-то и сказал:

– По-моему, вы ошибаетесь, доктор. Слышите эти юные голоса в холле? Думаю, близнецы Рико не позволят семейному повару отдыхать даже в такой скорбный день. Я совсем не горю желанием портить им аппетит своим присутствием.

Он поднялся и направился к выходу. Украдкой засунув в рот креветочную тортилью, Андре проследовал за монахом. В дверях они раскланялись с Альмой и Раулем. На рукавах обоих темнели траурные повязки. Глаза девушки покраснели от слез, а молодой человек держался вполне бодро.

В холле доктор Солано начал тихо о чем-то говорить с привратником, а гости оказались предоставлены сами себе. Из столовой доносился звон посуды и возбужденные голоса: голодные близнецы опустошали стол.

Похоже, дядюшкина смерть даже не испортила им аппетит. Андре не посмел бы осуждать юность, но прерванный завтрак не мог простить никому.

– Может, сказать им, что обещанное богатство уплыло в чужие руки? – пробормотал он, когда тортилья была дожевана и проглочена.

– Скоро придет нотариус и все само собой выяснится, – невозмутимо ответил брат Бартоломью. – Кажется, в саду сегодня слишком солнечно. Доктор Солано, мы можем подождать вас в лаборатории?

– Конечно! Там наверху отличная библиотека. Располагайтесь, а я вернусь в течение часа.

Библиотека на втором этаже башни и впрямь оказалась отличной. Полки вдоль стен были уставлены книгами, два больших окна впускали достаточно света в любое время дня, а мраморный столик с парой кресел так и манил забыть про все дела и провести целый день за чтением.

Андре много раз испытывал зависть к чужому богатству, но впервые позавидовал умению им распоряжаться. Он подошел к одной из полок, провел кончиками пальцев по кожаным переплетам:

– Признаюсь, я считал увлечение сеньора Рико чудачеством, но теперь вижу, что наука занимала его всерьез.

– В других обстоятельствах он мог бы стать замечательным ученым, – согласился брат Бартоломью, усаживаясь в кресло. – Моему бедному другу не хватало знаний и организованности. Впрочем, его увлечение выходило далеко за пределы дилетантства, во многом благодаря помощи доктора Солано. Лет десять назад они даже выпустили обширную статью о мышьяке, которую опубликовали в Севильском университете. Сеньор Рико показывал мне издание, оно где-то на полке рядом с вами.

Андре без особого интереса окинул взглядом корешки книг:

– Я нахожу немало иронии в том, что человек, столько знавший о ядах, был отравлен.

– Я тоже. – отозвался брат Бартоломью.

И замолчал, погружившись в раздумья. Тишина окутала библиотеку. Через несколько минут Андре не вытерпел:

– Теперь-то вы назовете мне имя убийцы?

– Если бы я мог...

– Но ведь оно вам известно?

– С чего бы?

– Подождите... еще вчера вы говорили, что знаете о готовящемся преступлении.

Монах странно посмотрел на Андре и ответил:

– Думал, что знаю. И продолжаю так думать. Но жертвой должен был стать другой человек.

– Вы не ожидали, что сеньор Рико погибнет?

– Совсем нет. Вы забыли, что я надеялся попасть в следующую экспедицию в Новый Свет. Как бы я мог рассчитывать на благосклонность сеньора Рико в случае успешного расследования, если бы думал, что жертвой станет он сам?

– Честно говоря, с утра у меня не было возможности поразмыслить как следует, – сконфуженно ответил Андре. – А ведь это совершенно логично. Значит, вы думаете, что в доме двое убийц – состоявшийся и будущий?

Брат Бартоломью пожал плечами:

– Возможно, это один и тот же человек, но у меня нет доказательств. Мало того, я пока не имею представления о мотивах этого убийства... как, впрочем, и будущего, если оно вообще будет. В его отношении были только догадки, и они мне совсем не нравились, однако смерть сеньора Рико ставит под сомнение почти все мои прежние выводы.

– Но хотя бы ими вы со мной поделитесь?

– Нет, – твердо ответил монах. – Для блага дела вашей голове лучше оставаться пустой, мои догадки только все запутают. Кроме того, никаких преимуществ у меня нет: вы знакомы со всеми, кто живет в доме; полагаю, представление о характере каждого уже сложилось – делайте собственные выводы!

Андре хмыкнул, не удержавшись от сарказма:

– Никаких преимуществ, говорите? А как же эта история с таинственным наследником? Вы были информированы лучше, чем ближайшая родня покойного сеньора Рико!

– Его сестра была в курсе, – возразил брат Бартоломью. – Впрочем, об этом я как раз не знал. Сеньора Эстелла обещала поведать нам историю с наследником в подробностях – остается дожидаться, когда она соблаговолит это сделать. И снова мы окажемся в равных условиях.

– Объясните хотя бы, почему сеньор Рико выбрал именно вас, чтобы обсудить эту проблему? Рядом с ним была сестра, супруга, лучший друг и соратник в лице доктора Солано... Почему вы – едва знакомый иностранец и монах?

– Думаю, ему нужно было незаинтересованное лицо. Жизнь каждого человека в этом доме изменится с появлением нового хозяина. Как бы члены семьи ни относились к сеньору Ксавьеру, его личность и характер прекрасно всем известны, а о Тобиасе Рико даже родной отец практически ничего не знал.

– Они мало виделись?

– Можно сказать, никогда. – ответил брат Бартоломью.

– Наверное, это тяжело – держать единственного ребенка на расстоянии, – задумчиво сказал Андре. – Даже если он незаконнорожденный.

– Других судьба сеньору Рико не послала. Он с самого детства заботился о сыне как мог: оплачивал его еду, одежду, образование...

– Мальчика усыновили?

– Он был отдан на воспитание в какую-то семью. Тайну происхождения, насколько мне известно, от него скрывали, но Тобиас наверняка знал, что является приемным ребенком.

– А что с его матерью? – полюбопытствовал Андре.

– Знаю только, что она была служанкой в доме. Более сеньор Рико ничего о ее судьбе не рассказывал, а я не задавал вопросов. Уверен, будь на моем месте вы, этой оплошности удалось бы избежать, – не без иронии добавил монах. – Будем надеяться, что сеньора Эстелла приподнимет завесу над этой тайной.

– Она, кстати, выглядела весьма удивленной, когда узнала о том, что ее брат решил легитимизировать наследника, хотя явно осведомлена лучше остальных... Странные у них были отношения.

– Сеньор Рико упоминал, что этот разлад наступил в последнее время, но не сказал, почему.

– А вы, конечно, не спрашивали?

– А вы бы стали?

Андре пожал плечами:

– Ваша правда. Пожалуй, не рискнул бы. Семейные дела – слишком тонкая материя.

– Вот именно. К тому же, когда об этом заходила речь, я даже не представлял, что могу упустить важную информацию. Обычный светский разговор.

– Готов поспорить, он проходил за бутылочкой мадеры...

– Это так, – невозмутимо отозвался брат Бартоломью. – Ничего плохого не вижу в том, чтобы пропустить стакан вина за приятной беседой.

– Да, сеньор Рико был весьма гостеприимным человеком, – вздохнул Андре, оглядев осиротевшую библиотеку. – Жаль, я плохо успел узнать его.

– Вы можете исправить эту оплошность, если поможете мне расследовать его убийство.

Монах выглядел совершенно серьезным, однако поверить в его слова было трудно.

– В других обстоятельствах я не стал бы и пытаться, – медленно сказал Андре, подбирая слова. – Официальный следователь умыл руки, и ко мне никто бы не прислушался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.